

ОСТРОВА

ПОВЕСТЬ

ОСТРОВ ТАЛАН *****

Рыболовецкий бот отстаивался в бухте Завьялова. Всю ночь он уходил от шторма, команда вымоталась и теперь отдыхала в тесном, пропахшем сельдью кубрике. Боцман первым услышал возню за бортом и голоса. Не натягивая сапог, он выбрался из кубрика и, шлепая босыми ногами по холодноватым доскам палубы, подошел к борту. Совсем рядом, похожий на огромный ящик, сколоченный из бревен, медленно наплывал плашкоут.

— Принимай конец! — крикнули с плашкоута.

Костя поймал тяжелую петлю каната, набросил на кнехт, выбрал слабинку и ловко обернул кнехт остатком каната. Плашкоут мягко тронул бортом борт РБ. Парень в брезентовой робе неопределенно улыбнулся Косте и подтолкнул другого, долговязого, с невозмутимыми глазами.

— Принимай радиста. — Парень в робе хлопнул долговязого по плечу, как хлопают стоящую вещь, и устало отвернулся. Он свое дело сделал. Видимо, тоже не спал ночь и спешил передать радиста из рук в руки.

— Кто прислал? — больше для порядка, чем из интереса, спросил Костя. Сам он шестой год рыбачил в Охотском море и знал радистов с любого судна. А такого не встречал. Но не все ли равно? Раз прислали, значит, прислали. Радист был нужен позарез.

— С управления, — махнул рукой парень в робе.

Долговязый опустил на палубу рюкзак, нерешительно поправил на шее городской синий шарф и заморгал глазами — все-таки не так уж он невозмутим, как показался.

— Откуда? — уже с ноткой любопытства в голосе спросил Костя.

— С Кубани.

— Землячок, — хрипло рассмеялся за спиной Кости механик. Он тоже выбрался на палубу и теперь растирал крупными руками заспанное лицо и щурил заплывшие глаза. Землячок — это верно. Костя до моря жил на Кубани, и, значит, долговязый радист доводится ему кем-то вроде родственника — в море это так считается.

— Витя, — сказал долговязый.

— Землячок, — снова рассмеялся механик, и это означало, что отныне долговязый Витя в любую погоду будет носить такое прозвище. Да это и удобнее — на судне он теперь пятый по счету Витя.

Долговязый не стал возражать, нагнулся к рюкзаку и выгрузил прямо на палубу две бутылки «московской». Поблескивая влажными боками, белоголовые поллитровки, казалось, задавали вопрос: «Ну, что скажете теперь?»

— Свой парень! — восхитился механик, протянув к чистеньким бутылкам мясистые, в пятнах мазута, руки. Костя нахмурился, отодвинул босой ногой бутылки к рюкзаку и сказал:

— Команда встанет — тогда.

Радист — парень, может быть, и компанейский, и это лучше, чем просто хороший парень. Но не это Костя считал главным. Уж если ты земляк, чего осторожный боцман не очень желал бы по той причине, что еще неясно, что ты в конце концов за птица, то уж будь как-нибудь поскладнее...

— Пойдем покажу койку, — сказал Костя.

...Под вечер выбрали якорь, и РБ снова ушел в море. В безлунную ночь в самый раз брать рыбу «на фосфор» — рыбы косяки в черных волнах светятся голубым газовым светом и хорошо видны с мостика.

В море гуляла крупная зыбь, судно раскачивалось и вздрагивало. У форштевня голубыми звездами мерцали медузы, отплывали в сторону и затихали где-то в темной глубине моря. Справа по курсу обозначилось голубое сияние — словно всполохи в небе. Приближаясь, оно быстро разрасталось, и — море вспыхивало, подоженное изнутри. Шел крупный косяк. Команда, невидимая в темноте, напряглась.

— Отдать шлюпку! — коротко бросил капитан с мостика — будто обрубил натянутый канат, и сразу же шлюпка, вместе с сидящим в ней шлюпочным матросом, полетела в клокочущую за кормой воду, а за ней, разматываясь, потянулась с площадки сеть. Капитан положил руль вправо. Судно, возбужденно вздрагивая, ходко шло по кругу на желтый огонек — это шлюпочный матрос обозначал ручным фонариком свое место. Двигатель РБ завыл, отработывая задний ход. Со шлюпки на палубу полетела выброска.¹ Ее тут же подхватили, перебросили трос через блок выстрела,² дотянули до барабана лебедки, и лебедка, размалывая железным скрежетом летящий над судном гул ветра, принялась наматывать стяжной трос. Нужно было за считанные минуты затянуть кошелек, не дать рыбе опуститься и уйти из сети. Костя в черном блестящем фартуке орудовал у выстрела, бросая лебедчику короткие слова команды. На мостике включили прожектор. Рыба, охваченная сетью, кипела и билась в воде. Блеск ее казался фантастическим в огромном и черном, как сама ночь, море. Зыбь сломала круг, вычерченный по воде балберами³ сети, понесла его за корму. Капитан мгновенно понял опасность: сеть наматает на винт, и тогда считай дни в кубрике — все равно, что связанный по рукам и ногам.

— Взять шесты! Отталкивать сеть! — раздалась команда с мостика. Корму раскачивало и высоко подбрасывало. Казалось, море и небо перебрасывают судно с ладони на ладонь, как горячую лепешку. И нужно было стоять на корме у самого среза площадки, ловить шестами ускользящие балберы и медленно, всей

тяжестью мускулов, двигать их от борта... А скользкая площадка тяжело играет под ногами, толкает человека в небо и волны. Радист выронил шест, опустился на колени и схватился руками за срез площадки — стоять уже не мог. И сразу же балберы надвинулись, ушли под корму.

— Держать сеть! — взлетел предостерегающий голос капитана. Он еще надеялся сманеврировать, увести корму от наплывающей сети. Но момент был упущен...

¹Выброска — веревка, привязанная к стяжному тросу.

²Выстрел — здесь металлический упор, через который перекидывается стяжной трос.

³Балберы — пробковые поплавки.

Всю ночь команда боролась с зыбью, стремясь отбить у моря захваченную рыбу.

Радист бестолково хватался руками за трос, перебежал с места на место, получалось, что он только мешает.

— Землячок, — позвал его механик, высунувшись из светящегося квадрата люка, — валяй сюда, отдохни в тепле. — В голосе механика ясно слышались ехидные нотки. С боцманом он, случается, бывает не в ладу, но на боцмане не отыграешься, если даже и есть такая охота. Зато на земляке можно запросто, и все поймут, в чей огород камешки.

Под утро, когда с рыбой наконец управились, Костя с удивлением заметил на лице радиста глуповатую ухмылку. И это обозлило Костю.

— В море работать надо, — хмуро сказал он, глядя на свои размокшие, в ссадинах, руки.

На палубе тяжеломерно, с мокрым звуком, билась селедка, к которой радист не имел никакого отношения, хотя и числился теперь в команде. Об этом, и хотел сказать Костя, но промолчал.

Утро напоздало с востока прямо на палубу. Стальные тросы посеребрила влага, и капли ее, словно капли пота, медленно стекали вниз. Костя спустился в кубрик. За столом лениво позвякивали кружки с чаем. Костя не стал пить чай. Скинул сапоги и повалился на койку...

Через два дня вышла из строя радиостан-

ция. И случилось это в самый критический момент. Наводящий самолет, пролетая над РБ, позвал:

— Восемьдесят восьмой, идите за мной — вижу косяк!

РБ развернулся и пошел по курсу самолета. Самолет медленно кружил над морем и настороженно гудел. Еще минута — и он бросится вниз, туда, где притаилась рыба...

— Так держать! — передали на РБ с самолета. Потом: — Право руля. Еще право.

Так держать.

Связь оборвалась. Радист поспешно крутил регулятор громкости, ручку настройки, но радиостанция молчала. Вгорячах радист даже не понял сначала, что она вообще вышла из строя — в наушниках никакого шороха. Взбешенный капитан, прыгая по ступеням трапа, скатился с мостика и ворвался в рубку.

— Дай,— выхватил он из рук радиста наушники, тут же отложил их в сторону и пробежал глазами по панели радиостанции.

— Молчит,— нервно сказал радист.

— Ищи.

Пальцы радиста лихорадочно бегали по радиостанции. Щелкали тумблера. Но радиостанция молчала, словно это не радиостанция, а ящик с железным хламом. Капитан стоял за спиной радиста и угрюмо следил за ним из-под козырька фуражки. Потом он плечом отодвинул радиста в сторону, вынул из зажимов предохранитель и швырнул его в открытую дверь рубки. Покопавшись в кармане, капитан извлек ключ, обыкновенный ключ, которым, уходя на работу, запирают на берегу дом. Вставил ключ в зажимы, на место предохранителя, и сразу же на панели радиостанции вспыхнула сигнальная лампочка. В коробке радиостанции, быстро приближаясь, появились звуки. Радиостанция ожила.

Капитан вышел из рубки. Самолет уходил к горизонту, а вскоре и совсем пропал. Команда разбрелась по палубе — теперь жди у моря погоды. Механик вынес из кубрика две поллитровки из-под водки, той самой водки, которую привез на плашкоуте радист, и демонстративно швырнул за борт. Участь Вити-радиста была решена молча. И это молчаливое решение закрепилось

потом уже окончательно, когда сдавали на баржу селедку. Высунувшись из рубки, радист сделал игривый жест девушке с баржи. Дескать, привет, соседка, от морских волков. Команда была занята, но жест радиста заметили, оценили, и с тех пор кто-нибудь из ребят не упускал случая серьезным голосом попросить:

— Землячок, сделай ручкой!

Радист нелепо улыбался в ответ и не понимал, что дни его на судне сочтены. А Костя мучительно молчал. Одно то, что этот радист—с Кубани, делало его причастным к боцману, ко всему, что Костя добыл в море собственными руками за шесть лет. И никому не скажешь, что это не так. А механик, которого Костя гонял за расхлябанность, теперь строит на виду у всей команды глазки. Дескать, твой же земляк — ничего не поделаешь.

Случай подойти к берегу не представлялся. Косяки сельди наконец-то устремились в Охотское море, и дорог был каждый час путины. Рыбу брали ночью «на фосфор», утром брали «на всплеск». А днем самолеты с воздуха отыскивали косяки и наводили на них рыбацьи суда. Команда не знала отдыха. Пока был индийский, в зеленых наклейках, чай, поддерживали силы густо заваренным чаем, таким, что вяжет во рту. И это спасало от неодолимого желания лечь и уснуть. Но чай кончился. Мешочки с крупой похудели, что называется, до последнего. За продуктами надо было идти в Магадан, а это значило потерять по крайней мере двое суток. Капитан колебался. Вот если бы погнал шторм, тогда дело другое. Но погода установилась, и море жило своей будничной неумемной жизнью. Днем вблизи судна часто проходили, словно подводные корабли, касатки. Черные плавники их бесшумно резали воду, и море колыхалось там, где они проходили. Простодушные нерпы плескались у бортов и тарасили собачьи глаза. В прозрачной воде плавно, как осенние листья, опалили медузы, покачиваясь, растворялись в легкой зыби. А по ночам шныряли у судна дельфины. Громко фыркая, носились они вокруг, похожие на кометы, охваченные голубым пламенем фосфоресцирующего моря...

Путина коротка в Охотском море. Это понимал, пожалуй, и радист. Однако во время авралов на палубу он больше не выходил, сидел в рубке и старательно делал вид, будто слушать голоса и писк в наушниках — важнейшее дело, даже если вся команда выбивается из сил на палубе. Капитан чертыхался, но ни разу не выволок радиста наружу — проку от него не больше, чем от стеклянного кухтыля. А в перерывах между авралами радист усаживался за общий стол и поспешно шлепал губами, как будто жевал не опротивевшую всем вареную селедку, а, по крайней мере, облитые соусом, горячие, с парком, сосиски. И это тоже рождало презрительное недружелюбие команды. Кока на судне не было — не положено по штату, — и каждый раз, строго соблюдая очередность, готовил кто-нибудь из команды. У каждого был свой «козырь». Капитан, например, мастерски пек пресные лепешки. Жаркие, тронутые легким румянцем, они путешествовали со сковороды на стол и тут же расходились по рукам.

А механик без особого труда мог в течение тридцати минут накормить всю команду. Делал это он легко и просто, удивительно легко для его коротких, словно обрубки, рук. Рвал на листки какую-нибудь газету, заворачивал в листки селедку и бросал ее на выхлопные коллектора двигателя. Горячие коллектора не хуже сковороды. И важно поймать момент, когда селедка готова. Механик носом ловил этот момент. Через полчаса каждый получал по свертку промасленной, слегка подгорелой бумаги, в которой томила распаренная селедка. Называлась она почему-то «жучками», и вид у нее был растрепанный. Но это неважно, что растрепанный. Главное — механик знает свое дело. А радист мог работать только зубами. Впрочем, никто вслух не высказывал неудовольствия. Высказать — значило бы в какой-то мере признать своим.

Но это было бы незаслуженной роскошью. Одним словом, к радисту прилепилась еще одна кличка — Пассажир.

Продукты решительно подходили к концу. Костя перебрал в шкафу под трапом тощие мешочки с крупой, сгреб в ладонь вялые

остатки сухого лука и осторожно ссыпал в уголок. Потом он поднялся на мостик, постоял рядом с капитаном, разглядывая картушку компаса, будто видел ее впервые. Капитан оглянулся на Костю и снова повернул лицо к морю.

— Пойдем к Талану, — решил капитан. — Сколько осталось патронов?

— Двадцать шесть.

— Настреляем уток. А там посмотрим. Может, с плашкоута картошки подбросят. А мы им вернем радиста, — усмехнулся он.

В усмешке ничего обидного для Кости не было, и все-таки она краем задела. Надо было идти вниз, но некоторое время он еще постоял позади капитана, разглядывая его затылок. Судно круто взяло к весту, направляясь к острову Талан. Картушка компаса послушно переместилась и снова приняла устойчивое положение.

Костя спустился с мостика, прошел на корму, лег на влажную, пахнущую селедкой и водорослями сеть кошелька, закинул руки за голову. Бледно-голубое небо, словно не раз побывавшее в хорошей стирке, широко расплзлось над морем и судном, и, казалось, где-то далеко-далеко в нем замерли неслышные звуки, которые никто никогда так до конца и не поймет. Но Костя думал не об этом. Он еще слышал усмешку капитана. Не то чтобы он придавал ей особое значение. Просто ему вспомнилась Кубань. Возвращаться в прошлое — для него значило мысленно идти по знакомой дорожке, которую сам же когда-то вымостил во дворе дома (чтобы не тащить ногами грязь) кирпичиками... Наверное, под чужими ногами эти кирпичи покрылись твердым наростом земли и осели. Время во всем оставляет свои перемены, даже в памяти. В конце концов и яркое южное небо кажется издали таким, как это над головой. Костя привык к своему новому представлению о родине, возникшему здесь, на востоке. Привык и принял. Но явился на судно радист и все медленно смыл, как смывают еще непросохшую краску. И теперь, лежа на влажной сети, Костя пытался восстановить все так, как оно было до радиста, хотя так, как было, уже не получится.

На Кубани у Кости растет сын. Растет без отца. Сын родился как раз тогда, когда он, попросившись с женой, нудно и долго ехал в общем вагоне до Владивостока. Зачем он ехал? Большинство едущих искали хороших заработков. Сам Костя мечтал сколотить деньги, поставить вместо саманного домика кирпичный, обнести двор тонким и стройным штакетом, покрыть цементом дорожку, купить мотоцикл с коляской... Не потому, что ему было мало того, что есть, а сам по себе он любил жизнь основательную и прочную. Не зря пошла за него и доверилась ему Марина, дробненькая, но красивая девка. Когда Костя первый раз сказал ей об Охотском море, она ответила ему благодарным взглядом — ей было хорошо от того, что он сильный и решительный. Но, видно, не хватило у нее пороку — не дождалась, ушла к другому. И теперь бухгалтер аккуратно срезает с его заработка двадцать пять процентов в пользу сына. Денег не жаль. Здесь он узнал им цену. Не жаль. Двадцать пять процентов — точно и коротко определено его отношение к прошлому, к семье. Вот в чем дело. Его ударили и его же заставили расплачиваться. Пусть даже только деньгами — все равно. Совершенно нелепо, но в какой-то момент Косте показалось, что у сына, верно, такая же глуповатая, как у радиста, улыбка. Причем тут радист, Косте непонятно. Однако он есть, и лучше бы его не было. И, может быть, лучше, если бы не было ни Марины, ни родившегося шесть лет назад сына, ни яркого южного неба.

Костя стащил с себя пропотевшую, порванную на плече рубаху. Туго обмотав подол капроновым шпагатом, закрепил шпагат на срезе площадки и бросил рубаху за борт — пусть отмывается в соленой воде. Всякие смутные мысли проще всего отгребать привычными действиями.

За бортом, навстречу судну плыли бирюзовые медузы с белыми полосами, положенными крестом. Механик перегнулся через фальшборт и швырял в медуз соль. Они тут же свертывались и шли ко дну. А другие, очкастые, отталкивали крупинки соли длинными ресничками и продолжали спокойно колыхаться в воде.

Эти умели защищаться. Костя с сожалением посмотрел на бирюзовую медузу, только что получившую заряд соли, и крикнул механику:

— Кончай солить море!

Остров Талан медленно выползал из воды, четче вырисовывались его серые, местами почти, белые, скалы. Издали он похож на одинокий парусник, идущий никуда из ниоткуда. Но это для тех, кто начитался книг. А в живом мире каждая вещь имеет свое назначение и место. Во всяком случае Костя смотрел на мир именно так. Именно так посмотрел он и на остров, когда тот стал поднимать над водой скалы.

Остров Талан — остров морских птиц. Одичавшие от одиночества скалы нестройно столпились в море. Изредка обламываются тяжелые камни, с глухим всплеском падают в воду, но скалы стоят и кажутся вечными. Чайки облепили каждый выступ и при виде судна подняли развязный крик. Они тут считаются хозяевами и не хотят ничего знать.

Море раскачивало судно. Подходить к острову близко было опасно. Остановились метрах в пятидесяти. Из кубрика вынесли малопульку с ободренным и кое-где выщербленным прикладом, а к ней двадцать шесть патронов. Костя подержал патроны, взвешивая на ладони, и опустил в карман брюк. Ему предстояло возглавить охоту, на уток.

— Двоих хватит, — сказал капитан. — Возьми шлюпочного матроса и сам.

— Зыбает, — осторожно высказался механик. На матросском языке это означало, что ветер развел крупную зыбь и что в легкой шлюпке ходить под скалами рискованно. — Возьми радиста... для балласта, — добавил механик.

В команде одобрительно рассмеялись. В качестве балласта радист годился. И капитан неожиданно поддержал механика: — Возьми.

До радиста, кажется, впервые дошло единодушное о нем мнение команды. Он поежился, по-птичьему втянул голову в свой пронзительно синий шарф. Костя перекинул в левую руку винтовку и хмуро кивнул в сторону шлюпки, прыгающей у

борта на волнах. Радист неуверенно перевалил длинные ноги за фальшборт и спрыгнул в шлюпку. Костя последовал за ним.

Шлюпочный матрос Генка налег на весла. Корма шлюпки высоко поднялась на волне, затем с размаху опустилась вниз, швырнув радиста к банке. Шлюпка отчалила.

Волны бежали к скалам, ударялись о камни крутой грудью и падали, разбрасывая брызги. Чего им нужно? Костя уловил в окружающем мире нечто бессмысленное, глуповатое, как улыбка радиста. Обозлившись, он шире расставил ноги, упираясь в зыбкое днище шлюпки.

Скалу, выступающую в море дальше всех, облепили белые с черными головками кайры — морские утки. Генка стал отгребать назад, чтобы удержать шлюпку на месте. Костя достал патрон, вложил его в патронник, повернул затвор, прицелился и выстрелил. Кайры в шуме и гаме не услышали выстрела, но ни одна из них и не упала в воду. Костя потемнел от обиды. Достал второй патрон. И снова промазал. Шлюпка резко качнулась. Радист, перехватывая руками борт, подвигался к Косте. Шарф выбился из-под воротника штормовки, и концы его металась по ветру.

— Дай ружье, — потянулся радист. Костя не успел удивиться. В глазах земляка он уловил какое-то движение мысли, машинально протянул ему ружье и вынул из кармана два патрона. Радист даже не присел на банку. Расставив ноги, покачиваясь, он вскинул ружье, еле заметной игрой ног погасил на мгновение качку и выстрелил. Со скалы сорвалась белая кайра и упала в брызги, как падает с ветки созревшее яблоко. Радист вскинул винтовку еще раз красивым и точным движением, и снова утка камнем сорвалась со скалы. Костя увидел недоверчивое удивление в глазах Генки, выбрал из кармана, все до одного, патроны и протянул радисту. Теперь он с восхищением смотрел на его длинные ноги в высоких рыбацких сапогах, следил за точными движениями рук. Радист стрелял, а утки падали, словно так они и хотели. В крике птиц и шуме волн выстрелы не были слышны, и радист казался ловким волшебником. Движение

рук, и утка падает. Он не промазал ни разу. Костя откинул голову, неотрывно вглядываясь в камни, жалея, что никто из команды не видит этого, — судно осталось по другую сторону скалы.

Вот так он когда-то вколачивал гвозди в доски, точно, одним движением, когда строил в глубине сада душевую для Марины. И напевал что-то веселое и с удовольствием брал одной рукой из ящичка прямые гвозди.

Когда патроны кончились, радист повернул к Косте побледневшее лицо и протянул ружье. В глазах его стояла испуганная радость. Потом они вылавливали багром подбитых уток, рискуя разбить шлюпку о камни. Брызги, веселясь, прыгали вокруг. Разноцветная радуга повисла рядом со шлюпкой, купаясь в мелких, как пыль, брызгах. Костя сильно греб веслами, стараясь повернуть лодку кормой к плавающим в воде подбитым уткам.

Минут через тридцать шлюпка глухо ударилась о борт судна, на палубу полетел причальный конец, и его сразу же подхватили.

— Сколько? — спросил капитан.

Костя оглянулся на радиста. Тот подбирал уток с днища шлюпки, бросал на палубу и, казалось, не слышал вопроса.

— Двадцать четыре, — сказал Костя и кивнул в сторону радиста. — Его работа.

Капитан сдвинул фуражку на лоб, скрыв глаза под козырьком, а механик развел грязными руками.

— Руки отмой, а потом за птицу берись, — прикрикнул на него Костя. В конце концов он боцман, и боцман отвечает не только за порядок на судне, но и за людей.

Подняли на борт шлюпку. Судно, развернувшись, пошло в район лова.

Костя, закатав рукава тельняшки, хлопотал у железной печки. На капе он аккуратно положил мешочек с рисом, горсть сухого лука, а лавровые листья придавил, чтобы не разлетелись, топором.

— Хочешь ходить на судне — учись, — сказал он радисту. — Первая школа для моряка — камбуз. Промой хорошо рис. Да не в морской, а в пресной воде.

Он опасливо покосился на радиста, боясь увидеть на его лице знакомую глуповатую

ухмылку, но ее не оказалось.

Команда расселась тут же на палубе, наблюдая за Костей и радистом. К тому, что сегодня вечером будет плов, примешивалось еще что-то, нарушив обычное течение жизни на судне. Дело было даже не в том, что радист ловко настрелял птиц, хотя и это уже кое-что. Команда лишние трое суток продержится в море. А за трое суток сейчас можно взять рыбы столько, сколько иной раз недели за две не возьмешь.

— Силен земляк, — все-таки не выдержал механик.

Костя сдержанно улыбнулся.

Ночь выдалась лунная. В такую ночь охотиться за косяками без эхолота бесполезно. Судно легло в дрейф. Море примолкло, и только слышно, как чмокают у борта легкие волны. Замерла почти вся рыболовецкая флотилия, больше двух сотен судов с Камчатки, Магадана, Сахалина, Хабаровской прописки... Правда, десятка два самых больших двигались в темноте, щупая море эхолотами. У остальных эхолотов не было. Остальные образовали город на воде, с огнями и музыкой. Казалось, шагни за борт и наткнешься на скамейку с притихшими влюбленными.

Команда РБ спала, наполнив кубрик дыханием и вялым сонным бормотанием. Радист дежурил у радиостанции. Сигнальная лампочка освещала его лицо. Глаза поблескивали в ее свете. Слышимость на волне получалась хорошая. Из открытой двери рубки в кубрик долетали обрывки переговоров.

— Обь, я — Индигирка. Ты слышишь меня? Нашупал крупный косяк. Следи за сигналами.

— Индигирка, я — Обь, тебя понял. Давай рыбку — за нами не пропадет.

— Знаю тебя, старый хрыч... Внимание, следи за мной... Костя решил, что надо обязательно написать на Кубань, пусть расскажут ему о сыне. Парень за шесть лет вырос, у него есть руки и ноги, и теперь его можно кое-чему научить. В конце концов дело не в двадцати пяти процентах, которые обстригает бухгалтер. И не в Марине.

Костя, наклонившись, отыскал на карте точку — остров Талан. Красным карандашом поставил рядом с ней толстый четкий крест.

Длинные ноги радиста опустились мимо ступенек трапа прямо в кубрик, а затем показался и он сам. Костя хотел было прикрыть карту газетой, но раздумал.

— Нас зовут, — почему-то шепотом сказал радист. — «Путятин» зовет. Большой косяк селетки.

Костя свернул карту.

— Чего же стоишь? Давай аврал. Да не там. Вот здесь кнопка. Дави!

Резкий звонок разорвал сон в клочья, столкнул людей с коек. По трапу загромыхали сапоги.

— Заводи! — крикнул механикам капитан.

Двигатель бормотнул и завелся, наполнив кубрик гулом и дрожью. Но в кубрике уже никого не было. Накренясь на борт, судно круто разворачивалось, отбрасывая в ночь светлую пену воды.

ОСТРОВ СПАФАРЬЕВА*****

Ощущение такое, будто летел все время в грохочущей ракете, а потом двигатели вдруг разом смолкли и навстречу несется оглушительная тишина. Явственно слышен тонкий комариный звон в голове. Потом Генка услышал, как за фанерной перегородкой закрипела кровать и Ирина ступила босыми ногами на половицы. Слышно было, как шелестит платье. Платье стихло, но тишина уже не приходила, хотя звон стал еще тоньше, а потом пропал совсем. За перегородкой чем-то стукнули.

Появилась Ирина в белом халате. Лицо немного припухло от сна, еще не пробудилось, а полные ладные ноги в мягких тапочках уже беспокойно металась по комнате. В руках звякали какие-то склянки. По комнате поплыл лекарственный запах.

— Проснулся? — Ирина наклонилась над забинтованной Генкиной головой и чуть улыбнулась свежими, нетронутыми губами. Странно, что нетронутыми — на этой земле, населенной рыбаками и отрезанной от всех благ мира. Два дня назад, когда

Генке стало лучше, она осторожно поцеловала его в лоб и подержала его руку в своих. Потом Генка хотел уже поцеловать сам, так сказать, вернуть долг, но наткнулся на глаза, в которых ясно читалось: ты еще малыш, а я большая. И то, что можно мне, тебе нельзя. Генка обозлился: его поцеловали, как покойника, который не может ни обнять, ни оттолкнуть.

На островах все на «ты», и поэтому Генка сказал:

— Я не спал. Слышал, как ты одевалась.

Он надеялся вызвать смущение и с интересом следил за ее лицом.

Ирина оглянулась на него и отошла к окошку.

— Понимаешь, у нас нет специального помещения для больных, — немного погодя сказала она. — У нас тут не болеют.

— А я ничего не имею против, — возразил Генка.

— Ты первый больной за всю путину.

— Очень приятно.

Никакого смущения он так и не уловил.

— Я пошла за завтраком.

За окном сыпался мерзкий дождь. Не дождь, а водяная пыль. На дорожке блестели голыши. Внизу, под сопкой, тянулись в столовую рыбаки и рабочие, с рыбозавода. В бухте, подернутые все той же водяной дымкой, темнели суда, убежавшие два дня назад от шторма.

Склон сопки Командора Беринга беспорядочно заставлен бараками. Два дня назад ночью Костя и механик пригнали шлюпку к берегу и потащили Генку по тропинке между этими бараками. А потом Ирина сама, не стесняясь, искупала его в корыте для стирки, перевязала и уложила в постель. Постель Костя и механик достали в соседнем бараке.

Ирина принесла гуляш — кусочки мяса и толченую картошку, расплавленную в жирной подливе.

Генка проглотил таблетки, терпеливо принял укол, позавтракал и решил провести короткую разведку.

— Ты давно из института? — небрежным тоном спросил он Ирину.

— Нет. Не очень, — не поддержала она

разговора.— Знаешь что, постарайся уснуть. Мне нужно обойти бараки,— и ушла.

Генка откинул голову на подушку и увидел в окно ее торопливые, с нездешним загаром, ноги на мокрой от водяной пыли дорожке. Закрыв глаза. Комариный звон приближался, и вскоре все вокруг наполнилось приглушенным грохотом, появилась нудная боль. Но то ли укол подействовал, то ли еще что, боль постепенно угасла, Генку стало клонить ко сну. В море спать особенно не приходилось.

Последний раз перед штормом команда спала в кубрике мертвым сном людей, у которых душа отлетела от тела. Костя кое-как стянул сапоги и тут же свалился на койку, неловко подвернув руку. Но так и не переменил положения. Сам Генка ткнулся в подушку и замер, словно наткнулся на палку.

За бортом, поблескивая ртутным блеском, скользили мелкие волны. Небо обложили тучи, рыхлые и растрепанные. Ветра не было совершенно. Может, и был, но где-нибудь высоко, там, где ползли тучи. И вдруг радист замер, остановившись на полпути между кубриком и гальюном. Метрах в пятидесяти море кипело. Над поверхностью мелькали серебристые рыбы тушки, падали в воду и снова мелькали. Осторожно, словно рыбу можно было спугнуть шорохом движения, радист спустился в кубрик, раздвинул шторы капитанской ниши и стал трясти капитана.

— А? Что? — ничего не понял тот. И, снова впадая в сон, забормотал:— Нарастающий тысячу шестьсот. Двести — вторым сортом...

Даже во сне капитан твердо помнил о центнерах, как второклассник о таблице умножения. Радист все-таки растолкал его, и они вдвоем поднялись на палубу. Лицо капитана за последние дни осунулось, но при виде рыбьего плеска глаза повеселели, а лицо осветилось, посвежело.

Через несколько минут судно, восстав из мертвых, развернулось и малым ходом двинулось на косяк рыбы.

— Отдать шлюпку! — скомандовал капитан.

Шлюпка вместе с Генкой полетела в воду. Тотчас же, рванув с пол-оборота, заработал двигатель, и судно ринулось вперед, чтобы охватить косяк, замкнуть круг.

Команда сутками отыскивала рыбу, а рыба пришла сама. Билась сплошняком в сети, шевелилась огромной массой.

— Тысячи две, — определил на глаз Костя, когда «подсушили» сеть и подтянули кошелек к борту.

Это больше, чем команда взяла за всю пугину. Удача! Радист сиял, словно ему улыбнулась Аэлита с далекой планеты.

— Плавится рыбка! — умильно вскрикивал механик и бродил у борта, не в силах отойти в сторону.

...Генка проснулся. Он снова переживал удачу, уже во сне, — и не мог не проснуться. За стенкой медпункта, на дворе, слышались голоса.

— Что вы! Это вам, — уловил он голос механика. Приподнялся и увидел троих из команды — механика, Костю и капитана. «Вы» звучало непривычно. Да и сам механик выглядел галантным морским волком. В больших руках его букетик цветов. Только блин из шапки, приспособленной на голове, портил картину.

— Скоро вы его поднимете? — поинтересовался капитан. — Такой врач, как вы... — на всякий случай закинул он удочку.

— Старая швабра!.. — проворчал на слова капитана Генка.

Ирина, склонив голову, провела носком тапочки полукруг на земле.

— Мы без него и ни туды и ни сюды, — механик заискивающе улыбнулся — и от галантности не осталось и следа.

— Еще с недельку, — ответила Ирина. — Нет-нет, — отстранила она Костю. — Зайдите в другой раз. Сейчас ему нужен отдых.

— Барышня, — принялся было канючить механик. Ему, видимо, нравилось стоять перед Ириной и ощущать себя галантным.

— Тогда передайте, — Костя вытащил из-за спины крупный кулек яблок.

...Яблоки Генка ел вместе с Ириной. Она села на стул, сдвинула ноги. Юбка натянулась — стали видны колени,

загорелые и крепкие.

— Интересно, где ты так загорела?

— В Крыму.

— Вижу — загар нездешний.

Ирина левой рукой потянула юбку на колени и глянула на Генку.

— Наблюдать — у меня привычка.

Между прочим, я работал в газете.

— Работал между прочим?

— И приходилось наблюдать всякое, — не обратил Генка внимания на иронию. — Не меньше, чем, к примеру, врачам.

— А почему ушел из газеты? — спросила Ирина, уловив в его голосе желание говорить серьезно.

— Подышать. В редакции пахнет табаком и стучат машинки.

Ирина досадливо повела плечами — ошиблась, ничего серьезного.

— Мне не нравятся корреспонденты, — призналась она.

— Понятно. Из газетчика не получится даже слесарь. Но ему и не нужно быть слесарем — в этом вся штука.

Генка перевалился на бок, устраиваясь в постели поудобнее. По всему было видно, что тема его трогала и он собирался ее развить. Но Ирина опередила.

— Значит, ты не газетчик, раз ушел в море?

Такого поворота Генка не ожидал. Во всяком случае, распространяться о себе он не хотел. И тем не менее не сдержался.

— У меня никого нет, — буркнул он. — И я могу передвигаться в любом направлении... Один тип сказал, что не соответствую времени — слишком много передвигаюсь. Короче, не строю, а хожу туда-сюда. А я имел глупость высказать мнение, что газетчик, просидевший на одном месте десять лет, перестал быть газетчиком; ну, а он мне: я, говорит, пятнадцать лет на одном месте. И мы разошлись. Вернее, он остался сидеть, а я пошел искать другую работу. Но море — это серьезно. В море понятнее, — вздохнул Генка. Здесь нет дела до того, чем ты питался раньше. Здесь работают. — Больше говорить он не хотел.

— Спи, — попросила Ирина. — Тебе надо хорошенько выспаться.

Генка не стал возражать. Лежать без дела

так же муторно, как в море ждать плашкоут. Долго они тогда ждали, часов пять-шесть. Механик сидел на досках, покрывающих трюм, и рассказывал быль и небыль. Море мирно хлюпало у борта. Нет-нет да кто-нибудь заглядывал за борт, где билась упругая, чистого серебра сельдь.

— Плавится рыбка, — ласково шевелил губами механик. — Вот так мне однажды в Охотске повезло. Хожу по берегу — гроши уплыли, угла нет. Ну, думаю, пора в море, а то обсохну. Нос по ветру держу, думаю: подвернется какой корвет — зацеплюсь. И подвернулось. Только не корвет, а одна... штука. Затащила к себе — и прогужевался с ней месяц, а то и больше. Богатая баба, а горячая — ухты! Еле ушел.

Грудь механика колыхнулась под тельняшкой и вытолкнула обширный вздох. Он явно намеревался перейти к подробностям.

— Робот ты, — спокойно перебил Генка.

— Ну, много ты понимаешь! Это ж чистая удача.

— А чего ты от такой удачи ушел?

— Удаче в рот не смотрят — какая есть, ту и бери, — тоном философа ответил механик.

Дискуссию оборвал Костя.

— Давай по местам! — привычным боцманским голосом распорядился он. — Не палуба, а базар.

— Брось ты, — попробовал возразить механик.

Но его никто не поддержал. Когда ждешь, лучше двигать руками, чем языком.

Часа через два пошла крупная зыбь, а еще через час из штаба морских операций

передали: «Всем РБ укрыться в бухте. Всем РБ укрыться в бухте». Надвигался шторм. Кошелек с сельдью волна поднимала выше палубы, а потом швыряла под борт. Судно переваливалось с борта на борт — не судно, а Ванька-встанька.

— Запроси плашкоут — живой или нет? — хмурился капитан.

Радист ушел в рубку. Было слышно, как загудели умформеры радиостанции.

— Плашкоут на подходе! — крикнул из рубки радист.

Команда всматривалась в горизонт. Механик вытянул шею и медленно поводил головой, как водят прожектористы

прожектором.

Вскоре заметили плашкоут. Он поплавающим перекачивался по волнам. Буксирный катер выбрасывал в воздух тощие струйки дыма. На плашкоуте не видели РБ.

— Ракеты! — ткнул кулаком в небо капитан.

Костя сбегал в кубрик, вернулся, и в воздух полетели ракеты, разбрызгивая зеленые и красные искры.

Подойти с правого борта, где в кошельке билась рыба, плашкоут не мог. Волна швырнула бы его на кошелек — и пиши пропало! Подошел с левого. А это значило: придется делать двойную работу — перебрасывать рыбу из кошелька на палубу, а с палубы на плашкоут.

С плашкоута кинули швартовы на бак и на корму, весело окликнули:

— Дымим?

— Закрой поддувало! — огрызнулся механик. Его раздражала и качка, и то, что плашкоут пришел позже некуда, — зыбь развело крупную.

Костя и Генка, двигая большой коплер¹, подвешенный на гаке² лебедки, переваливали рыбу на плашкоут. Капитан перебрался туда же и вместе с мастером принялся потрошить рыбу — проверял на сортность.

— Первый, — показал капитан большой палец.

Палуба стала скользкой. Судно дергалось, норовя расшвырять команду по палубе. Коплер снова наполнили, и Генка с Костей, упираясь в палубу ногами, повели его к плашкоуту. Коплер раскачивался в воздухе. Сыпались соленые брызги, пощипывало глаза. Борт плашкоута отошел. Генка напряжился и толкнул коплер вперед. Поскользнулся, успел откинуть назад тело, ударился головой о борт, дернулся и упал в воду. Брызги воды будто даже застыли в удивлении.

¹Коплер—ковш для вычерпывания рыбы.

²Гак — крюк.

Темный борт плашкоута поднялся на волне, повис над судном и над Генкой, всплывшим в узкой полоске воды между

бортами. Костя изогнулся, зацепил Генку рукой за воротник, словно железным крюком, и рванул к себе. В следующую секунду плашкоут скатился с волны и глухо ударил в борт РБ так, что затрещал весь корпус. Генку отнесли в кубрик.

— Прекратить погрузку! — крикнул капитан.

Механик тихо матерился. На плашкоуте спросили:

— Может, чем помочь?

— Сами, — мотнул головой капитан и прыгнул с плашкоута на палубу РБ.— Отгребайте.— Он и до этого сомневался, что команде в такую зыбь удастся перегрузить рыбу. А теперь колебаться становилось опасным.

Плашкоут снял швартовые, и волна сразу же повела его в сторону. На прощанье буксир дал гудки.

Работа на палубе РБ не затихала. Но теперь было вдвое легче — рыбу сбрасывали в свой трюм. Только много ли сам возьмешь? По бледному лицу Кости катились капельки пота. А может, это стекали брызги воды? Брызги метались над палубой, вились, словно остервеневшая мошкара, и море глухо гремело. Механик вращал глазами так, что на него не хотелось смотреть.

Самым несчастным казался радист — это он принес утром удачу, и теперь удача уплывала на глазах...

Нагруженное до предела, судно осело по штормовые портики, капитан взял курс на остров Спафарьева. Вода с шумом падала на палубу, перемывала сельдь и скатывалась в море. Сельдь, чувствуя близость моря, яростно билась.

В кубрике тускло светили плафоны, плавал табачный дым. Говорить не хотелось. Костя с помощником капитана играли в подкидного дурака. Затертые карты падали на стол и скользили. Радист выбрался из кубрика. Было слышно, как его тошнит в рубке...

Генка, бледный и осунувшийся, лежал на койке, закрыв глаза. На голове чалмой белели бинты. Генка спал и не спал — все вперемежку. Кубрик швыряло в разные стороны. Очнулся, увидел, как мокрый старпом спускается по трапу. Костя играл в дурака уже с механиком.

Механик бурчал:

— Тыщи полторы за борт кинули. Рыбаки...

— Курите! — бодро крикнул старпом. — Дайте задымить.

Не дожидаясь, пока дадут, он выдернул у механика из рук сигарету и жадно затянулся. Выпустив клуб дыма, сообщил:

— Капитан предлагает открыть штормовые портики и сбросить рыбу с палубы - судно заливают.

Костя бросил карты. Механик приподнялся, вытащил из кармана брюк сигарету, прикурил и смахнул дым рукой.

— Так... — не то возразил, не то согласился он.

Обшивка трещала под ударами воды. На гвозде из стороны в сторону металось грязное полотенце.

— Все дело в машине, — сказал механик. — Вытянет — значит, дотопаем. А не вытянет — и так зальет.

— Передай капитану — команда возражает, — сказал старпому Костя. Сгреб карты и сунул их под подушку.

Старпом не стал отговаривать, затянулся последний раз, положил окурочок на стол и полез по трапу.

Ночью, когда уже подходили к острову, Генку вытащили на палубу. Волна, срезанная мысом, пошла тише. Судно теперь не дергалось, раскачивалось размеренно. На палубе мирно шевелилась рыба, казалось, кто-то шепчет в темноте и шлепает губами. Генка увидел огонь маяка на сопке Командора Беринга и снова закрыл глаза...

— Гена, — Ирина осторожно тронула его за плечо.

Генка повернулся.

— Обедать. Сделаем укол и обедать.

На Генку смотрели продолговатые глаза. Он вспомнил чьи-то стихи: «Как на тугих полотнах Рериха, продолговатые глаза...» Улыбнулся. Ирина ответила улыбкой.

— Тебе лучше?

— Да.

— Я рада.

Генка увидел в вазочке букетик, тот самый, который принес механик.

— Цветочки, — кивнул он на вазочку.

— Ваши принесли.
— Конкретнее — механик.
— Да? Он механик?
— А что, незаметно?
— Я не разбираюсь в тонкостях.
— Какие уж тут тонкости. Все ясно.
— Что именно?
— «Он понял, что все зависит от него...» Хорошо еще, что на острове нашлись цветы — верный козырь.

— Все зависит от меня. И вообще противно, когда липнут и навязывают свои жалкие ухаживания.

— Живые ж мы. Люди, а не категории. В этом вся штука. Сама видишь и знаешь. И понимаешь. Только надо все покрасивее обставить — у вас это обязательное условие. Цветочки. А нам некогда обставлять. Вот и получается, что мы хуже других, а когда влюбляемся, грубее и нахальнее. Хотя, на самом деле, просто честнее — без всяких там декораций. Все равно ведь декорации потом, выносят.

— А я люблю цветы, понял? — оборвала Ирина. — Люблю. Такое слово понятно твоим нахальным и честным?

Генка недовольно завожился под одеялом и буркнул:

— Понятно.

В десять Ирина потушила свет. Генка слышал, как она раздевается. Заскрипела кровать. Ирина вздохнула, и все затихло. Генки старался уловить ее дыхание, но звон в голове не давал сосредоточиться.

Немного погодя он спросил:

— Спишь?

Ответа не последовало. Было неясно, спит она или притворяется. Скорее, притворяется.

В окошко были видны огни на судах. Где-то там маячит РБ. Вообще — ерунда. Расколос голову — и валяйся. В такие минуты начинаешь копаться в прошлом. Как-то в редакцию пришло короткое письмо: «Возможна ли любовь с первого взгляда?» Подпись: «Лиля». И обратный адрес. Генка повертел письмо и тут же легкой рукой сочинил короткий ответ: «Возможна только с третьего взгляда». Какой-то Лиле захотелось считать взгляды, а при чем тут редакция? Как будто земля

вращается вокруг Лили. И вообще все это муть. Выскочит замуж «с первого взгляда», а потом побежит в банк платить за развод. Но редактор был несколько иного мнения. Редактор вообще был слабоват по женской части. Получив письмо оскорбленной Генкиным ответом Лили, он вызвал Генку «на ковер» и долго распекал. Выходит, что Генка не чуток к письмам трудящихся и пренебрегает своими обязанностями. На редколлегии Генке вкатили выговор. Заведующему отделом писем поручили рассказать Лиле о любви. Заведующий пересказал ей какой-то рассказ Тургенева, привел несколько цитат из Макаренко. И Лиле это удовлетворило. Во всяком случае, в редакцию она больше не писала. А теперь эта Лиля, может, кончила институт и заведует медпунктом на каком-нибудь острове, запросто раздевается и спит, когда за тонкой перегородкой лежит матрос. Интересно, помнит она цитаты из Макаренко, которые послал заведующий? Генка повернулся на другой бок, голова заныла, и он скрипнул зубами.

— Что? — спросила Ирина. — Я сейчас.

Она быстро накинула халатик и появилась перед Генкой. Генка молчал. Ирина наклонилась так, что стало видно тонкую бретельку и зеленый шелк рубашки у груди — чей-то прожектор зацепил окно и осветил комнату.

— Ничего, — сказал Генка. — Иди.

— Я же врач, — упрекнула Ирина.

Генка мог бы сказать, что врачи бывают еще и девушками. Но не стал.

Ирина подождала минуту и ушла за перегородку. Генка усмехнулся — не спала. На следующий день Ирина разрешила ему вставать и выдала свой домашний халатик.

— А брюки? — попросил Генка.

— Нет, — отрезала Ирина. — Гуляй так. А мне надо в бараки.

Генка, натянув халатик, поморщился. Халатик еле доставал до колен. В таком виде, конечно, можно было бы появиться на сцене — и зрители хохотали бы до упаду, но выйти во двор нельзя. Оставалось бродить по комнате. Генка проник за перегородку и умилился Ириной кроватью. Заправочка

что в армии. Только подушка, тугая и мягкая, как-то уж очень по-девичьи опустила уголок под накидкой. Генка постоял перед зеркалом, издеваясь над собственным изображением, полистал книгу рассказов О. Генри и вернулся на свою половину.

Генке захотелось сбросить все с себя и с головы до ног обмыться холодной и свежей водой, но тут же он вспомнил, что голова в бинтах. Вспомнил и догадался — значит, уже не болит. Удрать? Генка прошел на половину Ирины и остановился в нерешительности: где искать вещи? Скорее всего, в шкафу. Шкаф, видимо, сколотили здесь же на месте из досок, привезенных с материка. Наскоро обстругали и покрасили. Сквозь краску проступали глазки сучков. Генка открыл дверцу. Вдоль всего шкафа висели платья Ирины. Разные — веселые и строгие. Одно из какого-то уж очень гладкого материала. В таком ходят в театр. В электрическом блеске оно стущается, зато нарисует фигуру и отчеркнет грудь. Генке стало грустно — тысячу лет не был в театрах, не ездил в троллейбусах и не ходил ни с кем под руку... В углу светло-зеленое, отороченное мехом пальто. Ирина ходила в этом пальто по улицам и на нее оглядывались мужчины. На нее нельзя не оглянуться.

И цветы, и весь этот женский гардероб так же недоступны Генке, как солдатам бывают недоступны города, которые они защищают, те, что далеко за спиной. Хотя, если по справедливости, эти города надо бы навечно записать за ними.

Внизу Генка увидел свои вещи. Бушлат и стопка одежды. В этом шкафу они ни к чему. Он бросил бушлат на пол, достал стопку одежды. Рубашку Ирина отстирала так, что к ней вернулся прежний, полузабытый цвет. Аккуратно подштопала рукав и выгладила. Тельняшка, брюки — все отглажено. И даже запах какой-то комнатный, мягкий и душистый. Генка нежно ругнулся и потащил все это на свою половину.

В окно постучали. Генка увидел лицо капитана, фуражку с потемневшим крабом и короткий, на два пальца, козырек.

— Сейчас! — крикнул Генка.

Быстро застегнул бушлат, нагнулся отвернуть голенища сапог. В глазах поплыли легкой зыбью круги и сразу же запищал комар, ближе и громче. Ноги обмякли. Генка хлебнул ртом воздух, постоял немного, держась за спинку кровати, потом направился к двери. На улице были те же трое: механик, Костя и капитан. Костя улыбался, щупая Генкину голову глазами.

— Ну как? — спросил Костя, хотя и так было видно, что Генка готов.

— Вира якорь? — спросил Генка.

— Майна, — усмехнулся капитан. — Лежать тебе еще пару дней.

— А что, в кубрике мало места?

— Как она? — кивнул капитан на окошко.

Генка махнул рукой, — не все ли равно? Механик протянул руку к сопке:

— Гляди, бабы «добро» вывесили.

На веревках вдоль барачков плескалось на солнце цветное белье. Ветерок теребил и переворачивал трусы и майки, рубашки и лифчики...

— Что она? — сказал Генка. — Ей свое, а нам свое.

— Не годится, — сказал капитан. — Еще пару суток постоим здесь. Пайолы¹ в трюме плавают, — повернулся он к Косте. — Пора посадить покрепче. Ты все на палубе, а в трюме пляска.

— Сделаем.

— Это что ж получается? — неожиданно тонким голосом возмутился механик. — Из-за него мы прошлый раз, — кивнул он на Генку, — плашкоут не загрузили. А теперь еще стой двое суток. Так и на штаны не заработаешь.

— Кончай гудеть, — оборвал механика Костя.

Но сказано — значит, сказано...

— Товарищи!

¹ Пайолы — доски, которыми обшит трюм.

Генка вздрогнул. По дорожке бежала Ирина, коротко откидывая руки в стороны от бедер. Платье билось и металось вокруг ног.

— Что же это такое? — остановилась она, добежав.

Полные губы Ирины вздрагивали, словно ее только что обидели и она вот-вот нагово-

рит злых слов. Капитан от неожиданности попятился и споткнулся о камень.

— Он лежит, а мы стоим, — мрачно сказал механик. — Отпустите — и весь разговор.

— Слушайте, вы!.. — вскрикнула Ирина. — Больной, идите в комнату.

Генка машинально повернулся и пошел к двери. За спиной слышалось быстрое дыхание Ирины — она шла следом.

— Пригрела, — громко сказал механик.

Генка дернулся, но Ирина быстро схватила его за руку.

В комнате Генка, как был одетый, сел на кровать. Все, что случилось, случилось только из-за него. И выходило, что механик прав — и тогда из-за него, и сейчас. Генка опустил голову.

Ирина села рядом.

— Я ночью не спала, понимаешь? Я слушала, как ты дышишь. А ты? Ты — варвар.

Генка улыбнулся. Он — варвар, это точно. Он глупый, дикий... Генка нашел ее губы и поцеловал.

— Ну вот, — вздохнула Ирина. — Добился?

— Добился.

— Смейся! Я тебя еще поколочу. Вредный ребенок. Гадкий, несносный!

— Поколоти.

— Тебе нельзя, понимаешь? Ты же больной.

— Что, плохи дела?

— Нет. Совсем нет. Нужен покой. Нужно наблюдение!

— И ты наблюдаешь?

— Да. Ты не смейся. Это ведь врачебная практика.

В дверь постучали.

— Можно? — спросил капитан.

Ирина встала, поправила волосы.

— Входите.

Трое вошли в комнату и остановились у порога.

Костя сильно подтолкнул механика вперед, так, что тот качнулся.

— Короче, извиняюсь за то, что пригрела, — неохотно сказал механик.

Ирина рассмеялась, а механик удивленно вздернул брови.

— Пустяки, — сказала Ирина. — Ему правда нельзя в море, и вы его не трогайте.

— Я сам, — поправил Генка, — сам оделся и вышел.

— Вот как? Товарищ капитан, слышите?

— Вот что Шавров, — официально обратился капитан к Генке, — в море мы пойдем. Стоять, сам знаешь, не годится. Ты тут лежи, понял? И выполняй. Когда его забрать?

— Дней через...

— Через пару дней, — вмешался Генка.

Ирина метнула в его сторону сердитый взгляд.

— Через пять дней забирайте, товарищ капитан.

— Слышал?

— Слышал.

— Через пять дней будем.

Капитан подошел к Генке и потряс руку. Потрясли руку Костя и механик. На улице они еще потоптались, соображая, все ли сказали Генке из того, что нужно. Потом Костя вернулся, вручил Ирине деньги «на всякие расходы», подмигнул Генке, и они зашагали вниз по дорожке. Генка стоял, у окна и смотрел, как они шли, широко ступая ногами в высоких рыбацких сапогах, свернутых гармошкой.

— Я все понимаю, — Ирина осторожно, дотронулась до Генкиного плеча.

Суда, взбивая пену, уходили из бухты. Светло-серой громадой высилась у входа в бухту рыбобазы «Советская индустрия». Генка как-то ходил по ее палубе — брал для команды в буфете папиросы, чай и два мешка хлеба.

— У меня есть сын, — сказала Ирина.

— А где отец?

— Нет отца, — не сразу отозвалась

Ирина.

— Так сказать, непорочное зачатие?

— На Завьялове был?

— Был, — хмуро отозвался Генка. — На камнях? — шевельнулась слабая надежда.

У входа в бухту острова Завьялова ржавеют на камнях железные корпуса двух РБ, выброшенные в прошлом году штормом. Говорят — много людей погибло. Когда Генкин РБ входит в бухту, вахтенный приветствует ржавые коробки сиреной...

— Там его отец, — спокойным голосом

сказала Ирина.

Генка сжал руками ее плечи и заглянул в глаза. Захотелось увидеть в них все, что не могут сказать люди вслух, о чем вообще-они не умеют говорить. Но Ирина высвободила плечи и отодвинулась.

— А цветы? — спросила она.

— Прости, Ира, — Генка виновато опустил руки.

— Ты смешной. Совсем плюшевый...

Генка молчал, прислушиваясь к тонкому комариному звону в голове.

— Генка, да тебе плохо! В постель!

Ирина быстро стянула с Генки бушлат...

Потом вечером он слышал, как она раздевалась за перегородкой, и чувствовал себя побитым, нелепым и черт его знает кем.

— Иринка, а где сын?

— У мамы. В Никольской Борщаговке. Это под Киевом... Там электрички ходят,— вздохнула Ирина.

Засыпая, Генка подумал, что механик сволочь. Генка и сам сказал бы, чтоб его не ждали. И механик не мог этого не знать... Но, в общем-то, все хорошо, если не считать, что на камнях у Завьялова ржавеют два РБ. Мертвые всегда кажутся лучше живых, потому что их нет, — а живым надо делать вместо них все, доброе и злое.

— Ты спишь? — спросила из-за перегородки Ирина.

Генка не отозвался. Она не спала — и теперь он знал, что тоже будет лежать и думать.

ОСТРОВ ЗАВЬЯЛОВА *****

Старпом навел трубы морского бинокля на островную баньку и долго ее разглядывал. Дверь помещения отворилась, выпустив на улицу распаренную женщину. Убедившись, что никого поблизости нет, женщина стащила с себя футболку, села на скамейку и, раскинув руки, отдалась ветерку, летящему с моря.

— Работает баня! — крикнул со спардека старпом и помедлил, прежде чем опустить бинокль.

Наполненный по штормовые портики¹ рыбой, грузной походкой, походкой

беременной женщины, РБ неторопливо входил в бухту острова Завьялова. Слева по борту выстроились невысокие сопочки, обросшие кедром. Изогнувшись дугой, они прикрывали бухту от ветров, дующих с юга, — с севера бухта оставалась открытой, и ветер гнал зыбь.

Рыбу сгрузили на баржу. На барже работает рыбонасос, и разгрузка прошла быстро. Освободившись от улова, РБ отошел, стал поближе к причалу и бросил якорь. Старпом и помощник механика, Витя Клыкков, по жребию составили первую «банную экспедицию» на остров. Остальным предстояло еще провести

¹ Штормовые портики — заслонки в верхней части борта, которые открываются во время шторма для стока воды.

на судне приборку. Доставая из рундука чистое и отглаженное белье, старпом почувствовал, как у него дрогнули руки. Пять месяцев назад мягкие и спокойные руки жены укладывали белье в чемодан. Выгоревшая на солнце челка выбилась из-под косынки, а глаза, не замечая чемодана, что-то соображали свое, совсем отличное от того, чем были заняты руки. Если бы старпома спросили тогда (кто угодно) любит ли он жену, сказал бы: «Да». Вот именно, не праздничную, не пылкую и порывистую, какой она обычно бывает, а рассеянную и добрую. Ко всему тогда еще примешивалось создание хорошо продуманной им самим и тщательно взвешенной жертвы, которую он, штурман дальнего плавания, приносил, отправляясь за двенадцать тысяч километров отнюдь не на судно экстра-класса, а на мелкую морскую лоханку, одну из тех, которыми обзавелись совсем недавно тихоокеанские колхозы. Гвоздь был именно в том, что обзавелись недавно. Люди еще не освоились, расценки не устоялись. Знакомый штурман рассказывал — на этих РБ и МРсах зарабатывают больше, чем на больших промысловых сейнерах.

Так оно и оказалось... Так и не так. Расценки, конечно, хорошие. Зато работать приходилось наравне с матросами, спать в кубрике, больше напоминающем камеру гауптвахты, чем жилое помещение судна. В

море этот РБ держится стойко, но в шторм все-таки неприятно стоять на палубе, смотреть, как тонкий железный кузов судна мотается по волнам и трещит под ударами воды. Ко всему прочему старпом настолько пропах селедкой, что его самого можно теперь нарезать ломтиками и подавать на стол в постном масле, с кружочками лука... Старпом отбросил запоздалое сожаление и нетерпеливо оглянулся на Витю Клыкова. Тот держал в руках мятое полотенце и вопросительно смотрел на старпома: чего тянуть? Пошли.

— И все? — удивился старпом.

— А что? Тельник там же постираю. А больше что?

Помощника механика, этого типа, как он называл его про себя, старпом не принимал всерьез за инертность и беззлобную терпимость ко всем превратностям морского быта. Если человек мирится с грязью и может спокойно спать под одеялом, на котором налипла рыба чешуя, значит, он где-то в корне своем и морально нечистоплотен. Впрочем, не все ли теперь равно? До конца путины осталось не так уж много.

Земля после палубы кажется твердой бестолковой — подсовывает под ноги камни, бугры и выбоины. Но живет в ней ощущение прочности, и когда это ощущение усваивают ноги — в голове поднимается радостный звон.

На Завьялове нет никаких следов «древности» и не создано ничего нового, если не считать дощатых навесов над цехами рыбозавода, дощатых же барачков по склону сопки, тесного, с зарешеченными окнами, продмага и баньки, похожей на часовню с картины русского художника. Все это, наскоро снабженное электрическими фонарями и дизельными моторами, снятыми прямо с тракторов или буксиров, кажется, переключало сюда из тридцатых годов и напоминало о стройках тех лет, скупых пайках и грубых нарах. Радостного в этом мало, тем не менее радостный звон в голове старпома не затихал.

Попав на сушу, Витя Клыков внес дельное предложение:

— Мочалки можно взять у девчат. А перед этим зайдём в барак — есть там один

знакомый.

«Знакомый» скинул с койки ноги и протянул к Вите бугристые, в ссадинах, лапы. Похлопав друг друга по спине, они принялись перебирать последние новости о своих односельчанах, главным образом о девчатах. Известие о том, что Люська вышла замуж, Витя встретил коротким вздохом.

Старпом примостился на табурете и не торопясь стал разглядывать барак. Здесь было все, что бывает в армии, — узкие железные койки, суконные одеяла, тощие подушки и тумбочки. А также и сверх того — гитара на стене, плюшевый мишка на койке, семейные фотографии, прибитые к стене гвоздями, репинские «Бурлаки» из «Огонька».

— Хлебни, — протянул Витин знакомый кружку с мутной бурдой. В кружке плавали ягоды брусники. Старпом поморщился, но кружку принял — лучшего, видно, здесь не найти.

— Ну, за упокой? — спросил знакомый.

— За упокой, — согласился Витя Клыков и толкнул кружку товарища своей. Выпили они, как догадался старпом, за упокой Люськи, выскочившей замуж. Потом знакомый заткнул пузатый, ловко сработанный бочонок и вкатил его на прежнее место — под кровать.

— Годится бражка, — кивнул в сторону бочонка Витя.

— Еще постоит малость, тогда в самый раз.

— Постойт? — усомнился Витя — Жди.

— Постойт, — неуверенно возразил знакомый, собрал кружки и спрятал в тумбочку.

— После бани зайдешь?

К старпому вопрос не относился, и старпом промолчал.

— Забегу, — кивнул Витя.

В бане холодной воды не оказалось. Пришлось налить в тазики горячую, поставить на пол и ждать, пока она остынет. Поставили и закурили. Пар, мешаясь с папиросным дымом, медленно плавал по сырой комнате. Но смешаться ему не удавалось. Дым, сухой и голубоватый,

быстро оседал прямо на пол. Старпом мял в руках мочалку, полученную десять минут назад в женском бараке. Удивлялся — Клыков вошел в барак будто в свой кубрик. Сразу же сел на койку, и девчонка, пискнув, потянула к подбородку одеяло. Подражая Клыкову, старпом тоже сел на койку, но с выбором, поймав глазами крутые бедра и беглый, как вспышка магния, взгляд. В гибком движении тела, когда девчонка потянулась к тумбочке за мочалкой, он уловил что-то знакомое и последил за мягкими девчонкиными руками. Сколько ей? Лет девятнадцать — двадцать? Откуда же такая женская округлость? Подумав, старпом вспомнил: такими же были руки жены, когда они первый раз встретились, молодыми, трогательными... — Не простыла еще, — пощупал Клыков воду в тазике. И, переключаясь с мыслями старпома, спросил: — А девка ничего, которая мочалку тебе дала? Так они и мылись: наливали кипяток в тазики и студили его на полу. Клыков подставил тугую спину и старпом тщательно натирал ее, завидуя дубовой прочности клыковской спины. Потом они отдыхали на той самой скамейке, которую старпом разглядывал в бинокль. Солнце быстро скатилось за сопку, подожгло ее. Огонь бушевал минуты две-три, затем как-то сразу сник, и по бухте поползли дымные сумерки, обволакивая бухту, суда и цеха рыбозавода. Над цехами вспыхнули лампочки, а суда зажгли сигнальные огни. — Хочешь, познакомлю? — предложил Витя, — Придет. Думаешь, им тут сладко? Одна работа. Старпом не сказал «да», но и не стал возражать. Даже если потом рассказать жене об этой девчонке, она только посмеется — ничего, разумеется, серьезного, не могло быть. Да и вообще это далекое море, острова — все призрачно, неправдоподобно. Ходил старпом в Атлантику — и там не было такого ощущения. Может быть, потому, что ходил на приличном судне, привычно справлялся со штурманскими обязанностями, а в каюте, в свободные от вахты часы, листал журналы — почти домашняя обстановка.

Витя вышел из барака с девчонкой и повел ее за руку к старпому. Девчонка смущенно спрятала подбородок в ватник, наброшенный на плечи, и посмотрела из-под бровей, блеснув белками. Глаза большие, полные любопытства.

— Это Валя, — представил Клыков. — Знакомьтесь. А я пошел. Встретимся на причале, — бросил он старпому.

Валя быстро потянулась к Вите, но он уже шагнул по тропинке, тогда она глянула в лицо старпому, словно извиняясь, что так вот неловко все получилось.

— Тут у вас красиво, — сказал старпом.

— Красиво, — согласилась Валя. — Только наработаешься — и в кровать. Устаем.

— Пошли в сопку?

Сопка здесь вместо парка — и несколько не хуже, если б горели огни и была музыка.

— Пошли, — согласилась Валя.

Вполне естественно было уйти в сопку, подальше от глаз. Но у старпома перехватило дыхание, когда он взял в руку несмелую руку Вали. Так было с женой, когда они вдвоем отпраздновали свою свадьбу в ресторане «Европа», а потом шли по вечернему городу. Старпом уже забыл, как выглядела та улица, на которой он тогда снимал комнатку. А вскоре все переменялось. Поездки, море, снова поездки в поисках подходящего заработка. Все, что дорого, разбросано по разным городам, наспех, словно они еще не нашли в жизни главное и надо было торопиться. Сначала старпом объяснил это особенностью своей профессии. Но потом понял, что торопится жена, а не он сам. Она его вела за руку, провожала, встречала и снова провожала, а он повинился событиям. Может быть, еще и поэтому он вдруг решил «изведать тихоокеанской водички» на жалком судне. К тому же денег всегда не хватало из-за лихорадочной неумности жены, решившей вместить в свою с ним жизнь огни разных городов, шум машин, музыку ресторанов. И вместе с тем в жене сохранились, он это знал, робкая податливость, застенчивая улыбка и успокоенная ласка. Удивительно.

— Стойте, — попросила Валя. — Здесь хорошо. Прошлый раз я сидела тут и смотрела, как идут корабли. Как собачата.

Тянутся домой.

— Сядем? — спросил старпом. Валя опасно посмотрела под ноги.

— Холодно.

— Я постелю.

Старпом сбросил куртку и аккуратно разложил ее на земле. Облюбованное Валею место оказалось небольшой площадкой каким-то образом уцелевшей на самом краю обрыва. Внизу темнела вода бухты и, словно огоньки папирос, светились сигнальные огни судов. А за спиной стояла сопка, тяжелая, неподвижная.

— Как это женщины не мерзнут? — кивнул старпом на голые Валины ноги в тапочках.

— А как мужчины в фуражках ходят? — тихо засмеялась Валя. — Вы давно плаваете? В разных городах побывали!

— Побывал! — отозвался старпом и вспомнил Ригу, где они с женой в доме на Бривибасс-елла проводили отпуск. Бривибасс-елла — тихая зеленая улица. Глухой подъезд дома. В каменном дворе голуби. — Вы в Риге были?

— Не была, — виновато ответила Валя.

Чувствовалось, она почти нигде не была, и одно это, по ее мнению, уже давало старпому все преимущества.

Старпом покосился на бедро, обтянутое юбкой, и дальше, на ноги.

— Красивый город. Кладбище там поразительное. Представьте городской сад с аллеями и скамейками, каменными ступенями. А могила Райниса! Розовый мрамор, мифической силы тело.

Старпом просунул руку под ватник и, поборов робкое сопротивление, овладел спиной девушки.

— Не надо, — сдавленным голосом попросила Валя. — Лучше не надо. Слышите?

— Не бойся. Так теплее.

— Я не боюсь.

К бухте плыли ходовые огни какого-то сейнера. При входе он дал сигнал сиреной. Ее голос долетел до площадки, прошелестел в кустах и повторился внизу, у самой воды.

— А в шторм очень страшно? — поехала Валя, Старпом плотно обхватил ее рукой.

— Нет.

— Вы привыкли... А здесь город не

построят. Вот жалость!

— Построят! — Ни к чему он здесь.

Старпом поймал в темноте губы и припал к ним. Валя задыхалась в его руках.

— Пустите, — попросила она, откинув назад голову.

Старпом жестко, одним движением, опрокинул ее на спину, придавил грудь и закрыл губами рот.

Валя изловчилась, сильным толчком колена отбросила старпома так, что он схватился руками за куст и почувствовал, как под ним оползает земля, а ноги повисли в воздухе.

Из-под старпома сыпались камни, но даже не слышно было всплеска воды.

— Валя! — крикнул он в темноту. — Валя! Я падаю!

Девушка подошла и в нерешительности остановилась.

— Еще не падаете. Не кричите. Будете лезть?

— Дура.

— Ну, и лежите себе.

— Не буду. За воротник тащи, слышишь?

Валя засмеялась и потянула старпома за воротник рубашки. Работая коленками, он добрался до площадки и лег на спину.

— Фу. Ну и дура.

— А вы умные.

Валя отшвырнула ногой невидимый в темноте камень, повернулась и пошла вниз по тропинке. Старпом понял: теперь ей наплевать на него.

— Дура, — облегченно выругался он.

...Костя, лежа на койке, читал книгу. Капитан перебирал квитанции, подсчитывал, сколько и каким сортом сдано рыбы с начала путины. В кубрике пахло хвоей — на столе горкой лежали шишки кедрача, а под столом — наволочка, набитая такими же шишками. Костя после бани бродил по сопке и насобирал — пускай ребята щелкают, вместо семечек.

Генка на листках в клеточку писал очерк о рыбаках, который намеревался отправить потом в хабаровскую газету. Команда знала об очерке и старалась Генке не мешать. Только попросили, чтоб потом почитал — интересно все же послушать о себе. Когда пишут о других, вроде бы все так и

правильно. Но все равно еще нет такого писателя, чтобы описал все в точности, как оно есть.

— Брехня это,— махнул рукой механик, когда узнал о Генкиной работе.

Но с ним не согласились. Генка — матрос, и это не брехня. И то, что не слепой, тоже не брехня. И... каждому хотелось почитать о себе печатные слова. Не потому, что сами они о себе не знают. И не потому, чтоб читали другие. Просто потому же, почему людям хочется иногда сфотографироваться, — на память.

А Генка мучился — в очерке никак не находилось места старпому. Как-то выпал он в самом начале и уже не приклеивался. Если бы это был просто очерк, Генка не стал бы беспокоиться — не лезет, значит, не нужен. Но это очерк о ребятах...

Генка решительно вычеркнул из очерка несколько строк о старпومه — все не то.

— Полтора плана есть, — подвел итог капитан.

— Полтора? — переспросил Костя.

— Годится. Два плана дадим к концу — рыба пошла.

— А сколько на каждого придется? — приподнялся на койке радист.

— Чего?

— Ну, денег... за рыбу.

— Математикой занимаешься? — усмехнулся капитан.—В институт готовишься?

— На что институт? У каждого свое... Интересно ж знать.

— По рублю за центнер. Хватит? — сказал Костя.

— Хватит.

Капитан тщательно обвязал квитанции шпагатом и спрятал пачку в рундук. Вскоре он уже посапывал на койке. За столом остался один Генка.

...Старпом по доскам, по которым от рыбозавода катают бочки с сельдью, дошел до причала. Увидев чью-то темную фигуру, подумал: Клыков. Нет — фигура женская. Подошел ближе — Валя. Она смущенно, из-под бровей, глянула ему в лицо:

— Вы на меня не сердитесь. Я не со зла.

Старпом помолчал, не нашел ничего лучшего, как сказать:

— Ладно.

А дальше он не знал, что делать. Не идти же с ней опять в сопку. Смешно — чуть не спровадила на тот свет, и сама же пришла.

— Я хотела спросить: а в Махачкале вы не были? Там у меня брат...

— Не был я в твоей Махачкале, поняла? Не был.

Старпом спрыгнул в шлюпку и оттолкнулся от причала веслом. Греб и видел: она все еще стоит на причале. Свяжись с такой — не развяжешься. Хорошо еще вовремя отвалил.

В кубрике спала вся команда. Не было только Клыкова.

— Гуляка, — скептически скривил губы старпом.

Генка спал сидя, положив голову на стол. Перед ним — раскрытая, с перечеркнутыми строками тетрадка. Кропает чудак. Старпом выдвинул рундук, порылся и извлек плотный конверт, в каких обычно продают фотобумагу. Подержал в руках карточку жены. Она стояла под деревом и привычно улыбалась, прислонившись к стволу. За каким только чертом потащился он на этот дурацкий РБ!

— Восемьдесят восьмой! — долетел с берега голос Клыкова, шлюпку давай!

— Восемьдесят восьмой! Шлюпку!

Старпом с сожалением спрятал фотокарточку в конверт, задвинул рундук. Черт с ним, с этим Витей, пусть ночует на берегу — найдет место. Пошарил на полке под столом, достал щетку, почистил брюки, запачканные на коленях землей, и полез на койку.

Клыков кричал и затем прислушивался, стараясь уловить плеск весел — должен же кто-нибудь пригнать шлюпку. Но вместо, плеска расслышал странное всхлипывание за спиной. Оглянулся — никого. Свет фонаря — и в свете никого. Заметил в тени сложенных для отправки бочек какое-то движение. Повернулся, пошел к бочкам. Валя.

— Ты чего здесь?

— Так.

— Старпом обидел?

— Нет. — Валя закрыла лицо руками, громко расплакалась.

— Да-а-а... озадаченно протянул Клыков. — Брось реветь. Слышишь? Кому

говорю.

— Я не реву.

— А что ж ты делаешь? Клыков шарил в кармане, отыскивая платок, но обнаружил только клочок пакли. — Чистая. Вот еще.

Отнял от лица руки.

— Давай глаза.

Валя послушно подставила глаза. Подбородок морщился и вздрагивал. Клыков вытер глаза, спрятал паклю в карман.

— Хочешь, я тебя в барак отведу?

— Не хочу.

— А может, тебе песню спеть?

— Спой, — улыбнулась Валя сквозь слезы.

— Ишь ты. Ну ладно. Клыков покопался в памяти.

— Есть такая. Слушай.

Паровоз по рельсам мчится,

На пути котенок спит.

Паровоз остановился и котенку говорит:

— Ты, котенок, убирайся,

— Открывай машине путь,

— А котенок отвечает:

— Сам объедешь как-нибудь...

— А дальше?

— А дальше котенок поцарапал

паровоз. Валя рассмеялась,

— Ты добрый.

И тут же нахмурилась.

Клыков оценивающе посмотрел на нее.

— А ты хлипкая.

— Ну да! Прямо там.

— Тебе б с мамкой пожить еще. —

Нету. У меня отец.

— Чего ж он тебя отпустил?

— А что он со мной сделает?

Поехала —

— Денег заработать?

— Посмотреть.

— Чего посмотреть?

— Море. Я ж из-под Орла. Сроду море не видела.

— Глупая.

— Ничего я не глупая. Вот вернусь — пойду в школу, в вечернюю.

Над причалом висели звезды, как висят на веточках вишни, спелые, вот-вот сорвутся и полетят. Вода тихо хлюпала в сваях и шелестела в камнях. Клыков застыл в нерешительности: что делать? Спать не

хотелось. Такая ночь!

— Давай погуляем, а потом я тебя в барак отведу, — предложил он.

— Мне в ночную идти.

— Когда?

— А скоро гудок будет.

— Что ж с тобой делать?

— Ничего.

— Хочешь, я тебе напишу? — спросил он.

— А куда?

— Ну, домой. Ты ж под Орлом?

— Под Орлом. Далеко.

— Ничего. Сейчас не далеко. На самолет — и там.

— Правда. Я как летела, думала, на край света. А ничего. До Орла, если пешком, и то дальше. И сторона тут не чужая. У нас в бараке из-под Орла тоже есть. Да ты замерз? В куртке-то.

— Привычный.

— Давай сюда руки. Если холодные, — значит, замерз. Ого, вот так руки! Прямо как лопата. — Валя тихо рассмеялась. — А ты как сюда попал?

— Я? Я — рыбак. На море и жил. Рыбаку везде дорога. Могу и в Орел слетать.

— Можешь? А зачем?

— Ни один раз не бывал. Побываю. Кончим путину — подамся на запад. Посмотрю.

— Приезжай. У нас, знаешь, какой лес? И грибы.

Сопки вздрогнули. Гудок, набирая высоту, взлетел над бухтой, над бараками, над цехами.

— Идти, — встрепенулась Валя.

— Пошли.

В цеху штабелями лежали сырые мешки с солью. Сновали работницы в черных халатах и красных косынках — перекачивали бочки.

— Девки, гляди, кавалер появился! — встретили Клыкова веселым криком.

Валя, поймав несколько любопытных взглядов, нахмурилась. Но все обошлось. Клыков присел на мешок с солью, стал рассказывать морские побасенки. Девчата смеялись.

— А ты чего будешь делать? — спросил Клыков Валу, когда мастер

распределил бригаду по рабочим местам.

— Бочки катать.

— Ф-ф... — присвистнул Клыков. —

Ну и работка!

— Думаешь, простая? А-ну, попробуй.— Валя протянула ему палку.

Палкой надо было направлять бочки на поворотах, чтобы не свалились с мостков, и катить дальше к причалу. Клыков сразу же взял быка за рога: ткнул бочку ногой, и она побежала, подпрыгивая. Валя шла следом и посмеивалась. На первом же повороте бочка свалилась.

— А теперь попробуй подними.

— Запросто.

Клыков натужился и рывком посадил бочку на мостки.

— Ты сильный, — улыбнулась Валя. — А я бы не подняла. Пришлось бы девчат звать. Ну, а теперь смотри, как я.

Валя тронула бочку палкой, и та послушно покатила вперед. Валя, взмахивая палкой плавно и быстро, увлеклась. Стала похожей на дирижера.

— Здорово, — сказал Клыков, когда бочка, сбежав с мостков, глухо ударилась о штабель таких же сложенных у причала бочек.

Валя запястьем поправила волосы, выбившиеся из-под косынки, глянула смущенно и вопросительно.

...Гудок прогудел еще раз, когда рассвет неслышно подошел к цехам. Лампочки фонарей пожелтели и выглядели бледно. Лица людей казались матовыми, словно присыпанными мукой.

— Все, — устало обронила Валя, опустив руки. — Я-то теперь посплю. А ты как?

— Перебьюсь, — успокоил Клыков.

— Давай я тебя провожу.

Они спустились к причалу и сели на бревно, спиной к бухте. Утренний ветер тянул над причалом сыростью. Что-то уже напоминало осень, падающие с деревьев листья...

Здесь листья не падают. Просто однажды утром лужи стекленеют и становятся похожими на глаза слепого. Земля делается жесткой. Ветер поднимает с земли холодную пыль и бросает в лицо. А над сопками кружатся грязные тучи, что-то мудрят там, сходятся, опять расходятся и

вдруг, словно сговорившись, начинают двигаться в долины, к морю. Сопки белеют. Сначала самые высокие. Потом те, что пониже. Тучи берут высоту за высотой. И вот уже долина отрезана. Последний раз домашние гуси разгуливают по улицам свободно и громко бьют крыльями. В окна домов хозяйки вставляют двойники. Крыши сараев мужчины наспех затыкают зеленкой — луговым сеном. И наконец тучи тяжело виснут над долиной, а в воздухе мельтешат легкие снежинки. Земля под ногами теряет очертания. Пока не прибьется снег. А море синее, темнеет. Волны с грохотом бросаются на берег, швыряют в небо брызги, и по около берегу быстро замерзает прозрачный лед, зеленоватый, как морская вода в глубине. И тогда мальчишки, подбрасывая кверху портфели, бегут к реке — в реку пошла рыба.

Клыков вздохнул. Валя сняла ватник, и набросила ему на плечи.

— Спать хочу, — сказал Клыков.

— Пойдем к нам. Есть свободные койки.

— Нет. Я на судно.

Клыков попросил ребят с другого судна, и они отвезли его на РБ. Осторожно, чтобы не гроыхать сапогами по трапу, он спустился в кубрик. Команда спала, натянув на головы одеяла. В кубрике висел утренний холодок. Пахло железом и хвоей. Клыков набил железную печь чурками, достал из-под трапа банку с соляжкой, облил чурки и поджег. Огонь живо пробежал снизу доверху, подбрасывая искры. Труба над печью загудела. Костя пошевелился под одеялом, вытянул косматую голову, глянул на Клыкова и снова накрылся.

Клыков подошел к столу, полистал Генкину тетрадь, исписанную быстрыми, ломкими буквами, но читать не стал: раз Генка обещал, прочтет сам. А спать уже не хотелось — все равно ночь ушла. И не жаль. Надел ватник, вылез на палубу. У борта над песчаной рябью дна мелькали рыбы косячки. Останавливались, раздумывая о чем-то своем, и тут же стремительно уходили — только мелькали черные и скользкие спинки. Навага, конечно, не ахти какая рыба, но уха из наваги получше, чем форшмак из селетки.

Ребятам на завтрак. Клыков наладил удочку. Сходил на спардек, нарезал финкой тонкими ломтиками селедку. Для приманки. Первая же приманка внесла замешательство. Косячки остановились. Мелкая рыбешка сразу пошла на удочку, но Клыков повел леску в сторону, к тем, что покрупнее. Клыков подумал: в общем-то хорошо, что Генка пишет очерк. Если матрос пишет очерк, значит, будут и море, и небо, и судно, и острова, и люди — все так, как они видели. Рыба шла одна за другой. Клыков уже не ловил, а таскал ее: бросал приманку в воду, выждав, когда леска натянется, дергал — и в воздухе мелькала белым брюшком навага. Глупая рыба. А брюшко нежное.

Клыков натаскал рыбы целое ведро, когда на палубу выбрался сонный Костя. Глаза боцмана быстро пробежали по фигуре поммеханика и остановились на ведре, где билась в тесноте рыба.

— Ну и маслопуп же ты! — незлобиво бросил Костя.

— Чего?

— Чего. Проштался ночь. Команда спит, а он ночь справляет.

Клыков недовольно отвернулся.

— Вон на уху наловил, — кивнул он на ведро.

— Вижу. Давай спать. Чтоб через... пять часов чистый был, как стекло.

— Ладно.

Клыков, смотав удочку, глянул на берег. Фонари погасли. В утренней тишине голоса людей на берегу были гулкими, словно из пещеры... А Валя спит.

«Все-таки и Генка не напишет всего так, как оно есть на самом деле, — подумал Клыков. — И никто не напишет. Это надо тысячу жизней прожить, чтобы написать. А тысячу жизней пока никто не прожил».

Клыков еще раз оглянулся на берег и пошел следом за Костей в кубрик.

ОСТРОВ НЕДОРАЗУМЕНИЯ *****

РБ держал курс на Магадан. Три часа назад радист принял с флагмана радиограмму, в которой сообщалось, что сегодня ночью умер на Сахалине отец механика.

Механик поднялся на спардек и стоял ря-

дом с капитаном. Внизу хлопотали волны, шлепали о борт, и судно плавно покачивалось. Капитан поглядывал на часы. Не то чтобы он боялся вовремя не доставить механика к самолету, а просто уже въелась привычка смотреть на часы: на промысле время — это рыба.

Команда собралась на баке. До механика долетели приглушенные голоса.

— Да, — сказал Генка. — В общем-то нехорошо.

Нехорошо в том смысле, что не вовремя. Хотя вряд ли бывает такая смерть, которая приходит вовремя.

— Сколько?

— Четыре сотни. С рублями.

— Должно хватить.

— Не хватит — даст радиограмму — наскребем на такой случай.

— Хватит...

Команда потрясла карманы, собрала механику деньги на дорогу и прочие расходы и больше ничем не могла ему помочь.

Помощник механика выбрался из люка машинного отделения и тоже прошел на бак.

— То-то мне сегодня капуста снилась, — сказал поммеханика.

Старпом поморщился:

— А больше тебе ничего не снилось?

— Ну, умер, ну и что теперь? Шепотом говорить? — обиженно возразил поммеханика. — Когда я загнусь, пускай хоть пляшут. Не жалко.

— Некому жалеть, — сказал Костя.

— Может, и некому, — согласился поммеханика, махнул рукой и пошел обратно, к машине. Лично он не любил разводить волокиту с разными там настроениями. У него у самого в прошлом году мать умерла. Но это, если разобраться, касается его одного. Он даже не попал на похороны — ходил в море. Когда вернулся, сестра спросила:

— Есть у тебя сердце?

Но это сестра, и она не знает, что значит работа в море.

Механик стоял на спардеке, слушал голоса с бака и привычно ловил стук машины... Отец тоже был механиком. Лучшим на

Сахалине. А вот с сыном ему не повезло. Как ушел в море — так и с концом. Считай, что нету сына. Где он и как — неизвестно. Но радиограмма нашла. Кто-то позаботился, чтобы нашла.

С бака долетают голоса, как долетают брызги волн. И так же, как медленно сползают брызги по штормовке, медленно входят голоса в сознание.

Собрали деньги. Но это традиция. Собрали бы любому, случись у него несчастье... По-настоящему и отцу не было никогда дела до того, чем живет сын.

— Ну, будь, — сказал он в последний раз, два года назад, когда механик улетал в Находку.

Машины отец знал. И, наверное, верил им больше, чем сыну. Иначе как понимать молчание на телеграмму из Охотска? Механик тогда спустил все, до копейки, занял рубль и дал телеграмму. Но отец промолчал. Он брался чинить машины, но чинить человека не брался. По его словам, человек сам себе механик.

РБ трудолюбиво вел борозду по морю. Из трубы вырывалась копоть.

До Магадана оставалось часа три ходу, когда механик увидел рыбу. Нерпы, показав гладкий зад, ныряли под волну, выплывали и маячили, отфыркивались, ныряли снова. А вокруг с базарным криком летали чайки, падали вниз и снова взмывали вверх. Это признаки.

— Рыба, — сказал механик.

— Косячок, — поправил капитан, делая вид, что его это не касается.

На баке тоже заметили косяк и вопросительно поглядывали на спардек.

— Уйдет рыба, — сказал механик.

Капитан промолчал. Рыба уйдет — это ясно. Но механика надо отвезти в Магадан, значит, надо отвезти, о чем тут говорить?

— Давай брат, — не выдержал механик.

— В газетах пишут — самолеты круглые сутки ходят, успею.

В команде все знали, что газет механик не читает.

Капитан тоже знал. Внимательно посмотрел на механика из-под козырька фуражки и повернул ручку телеграфа! В машинном отделении, два раза звякнуло — «малый

ход». Команда разбежалась по палубе. Генка уже маячил в шляпке. Капитан усмехнулся — тот не рыбак, кто пройдет мимо рыбы.

— Отдать шляпку! — бросил он со спардека отчетливую команду и тут же положил штурвал вправо.

Когда завалили рыбой палубу и кошелек уложили на площадке, механик снова поднялся на спардек. Глянул вниз. На палубе, придавив ее к воде, плескалась рыба.

— Думал, а вдруг на шубу нарвемся? — сказал механик.

Шубой называли мелкую рыбешку. Она забивала ячейки дели,¹ и приходилось ее выколачивать, как выколачивают из шубы пыль. Бывали такие случаи. Но на этот раз обошлось.

Капитан думал о другом: где сдавать рыбу? В Магадане могут не принять — там свои рыбаки. Ближайшим из островов был остров Недоразумения.

РБ покотился влево, нацелился носом на синеватые вдалеке сопки острова и прибавил ход.

— К вечеру будем в Магадане, — сказал механик.

Капитан кивнул.

По острову брели какие-то чудаки в майках и белых брючках. Взмахивая руками, чудаки что-то кричали. С бака, в ответ пронзительно свистнули и бросили к берегу селедку. Не долетев, она плюхнулась в воду.

— Держи! — крикнул Генка. — Свежая!

Толкая впереди себя волну, РБ подошел к причалу. Кранцы мягко ткнулись в темное от воды бревно. Механик спустился со спардека.

¹ Дель — сеть.

Высокими резиновыми сапогами он ступал прямо по сельди, еще живой и скользкой. Это была его рыба, и он понимал это отчетливо — капитан не пошел бы в замет, если бы не он...

— Чего рыбу месишь! — крикнул ему Костя. — Давай к лебедке!

Но у лебедки уже суетился поммеханика.

Механик медленно повернулся и, пошел в

кубрик рыба его больше не интересовала. И команда тоже. Через минуту он вернулся, прыгнул на доски причала и зашагал к рыбозаводу. За цехом тянулись бараки.

Берег — что родное село: кто-то еще жив, кто-то так и остался в нем, не уехал. Все тебя немного помнят, и все немного забыли. И ты здесь чужой и не чужой. От всего этого человека наполняют и радость и грусть одновременно.

Механик почувствовал только грусть, знакомые и незнакомые сейчас были ни к чему. Наметанным глазом определив место, где должен находиться продмаг, он зашагал в ту сторону. Глаз не подвел. Механик зашел в каморку, перед входом в которую висела фанерная вывеска, и окинул взглядом полки. На полках смешалось все: мыло, стеганки, детские игрушки, плащи, свечи. И бутылки. Вино и водка.

— Керосин есть,— удовлетворенно хмыкнул механик.— Полбанки керосинчику.

Продавец — дядя опытный — понял, что речь идет о водке, но с места не сдвинулся.

— Талон,— равнодушно зевнул он.

— Какой тебе талон?

— На водку. У нас так не дают. И деньги целее будут и рыбка. Понял?

— Ладно. Держи червонец и гони бутылку.

— Слушай, проваливай со своим червонцем. Понял?

— Заелся.

— Я тебе заемся.

Дядя был из тех, о которых хрупкие девушки говорят: пусть меня замучают, но замуж за такого не пойду. Механик на всякий случай переместился подальше от прилавка и сменил тактику.

— Давай бутылку,— попросил он миролюбиво.— Отец помер.

Лицо дяди смягчилось, но сам он с места снова не сдвинулся,

— Вот что, парень, шагай к директору — у него талоны. Скажи ему: так и так. Понял? Только не бери розовый талон. Розовый — вино.

— Порядочки! — буркнул механик.

Дорогой он колебался: с этой водкой целая канитель. Но директора все же разыскал.

Тот окинул взглядом.

— Механик с эрбушки?

— Ага. А как вы угадали?

Угадать было нетрудно — на лице и руках механика застыли пятна масла.

— Механики мне позарез нужны,— сказал директор.— Давай, иди ко мне. Не пожалеешь. Будешь у меня инженером.

— Не могу.

— Врешь. Сколько тебе?

— Одну.

— Чего мало? Или у вас не пьют?

— Не пьют,— соврал механик.

— Тогда и ты не получишь.

Пришлось объяснить про отца. Но и это не смягчило директора.

— Ладно, я подумаю,— снова соврал механик, хотя директор ему нравился и поработать с таким в принципе было бы можно.

Директор вздохнул, посмотрел на механика и протянул пачку талонов. Талоны были розовые и белые. Механик оторвал белый.

Директор рассмеялся:

— Бери и никому не показывай.

Понял?

— Понял.

Каждому надо, чтобы его поняли. Но почему-то мало кто старается понять другого. Механик повернулся и вышел.

Дядя, получив талон и деньги, выдал бутылку и несколько замешкался. Напутственных слов он не умел говорить. А сказать нужно было. Вместо слов дядя выставил на прилавок банку с огурцами.

— Бери,— окликнул он механика,— от меня. Понял?

Механик вернулся, забрал банку и бросил на прилавок мятую трешку. Заладили: понял? Как будто кругом глухие.

С бутылкой он расправился на первом же береговом валуне. После этой короткой расправы мир стал похожим на дно морское. В голове мысли замелькали, словно мелкая рыбешка, а воздух сделался плотным, как вода.

Швырнув на песок пустую бутылку, механик двинулся по берегу, удивляясь тем смешным его подробностям, которые не заметны трезвому глазу. Валуны напоминали ему людей, притаившихся в кустах. А кустов нет. Это смешно. Механик

похлопал валун по плечу, добродушно рассмеялся. И тут он заметил людей в майках и белых брючках. Выровняв шаг, он направился к ним. Люди сидели на белых китовых позвонках, а перед ними, на позвонках же, стояли вскрытые банки консервов.

...Дня два назад в горкоме комсомола созрела идея отметить день рождения инструктора горкома на острове. Идея была заманчива уже одним тем, что Магадан всем изрядно надоел. Секретарь поддержал идею. В воскресенье катер «Слава», брызгаясь водой и урча мотором, отвез горкомовцев на остров. Здесь к ним присоединился старожил острова Петрович. Станный человек. Несколько лет назад он выслужил пенсию, но остров не покинул. Даже когда свертывался на острове рыбозавод и уезжали люди, Петрович оставался на месте. Только перебирался из легкой пристройки пилорамы в помещение конторы. Здесь он и зимовал. Как-то ему сказали, мол, есть края потеплее. Петрович только пожал плечами — у каждого в жизни свои острова. У него он один. Что же тут странного?

Горкомовцам Петрович показал могилу американского китобоя. Могилы в обычном смысле не было. Была каменная плита и стертые неразборчивые знаки на ней. Лежала плита на каменном утесе, и морской ветер обдувал ее со всех сторон. — Куда забрался! — кивнул секретарь горкома на плиту.

Поскольку никаких исторических сведений Петрович сообщить не мог, горкомовцы тут же сочинили версию. Лет сто назад американец промышлял в чужих водах, был замечен русской военной канонеркой, хотел уйти, но его обстреляли. Так, должно быть, погиб шкипер.

— Русские в китобоев не стреляли, — возразил именинник.

— Брали на буксир и уводили. А команду на соляные прииски.

На обратном пути, спускаясь с утеса, горкомовцы махали руками маленькому РБ, бегущему к острову, пока не набрали на китовые позвонки. Это была находка. Известково-белые позвонки, большие и

плоские — экзотика. Кроме того, оказалось — на них можно сидеть, как на стульях.

...Дюжий парень в тельняшке смотрел секретарю горкома в лицо и слегка покачивался на кривых ногах.

— Вам чего? — спросил секретарь.

— Отец помер, — сиплым голосом сообщил механик.

Петрович сочувственно взглянул из-под бровей. У него у самого давно уже не было ни кого из родных. Не было и жены. Была женщина. В пятьдесят четвертом ее, как и его самого, реабилитировали, и они поселились на острове. Четыре года варила она ему на этом острове уху, стирала белье и стелила постель. А потом он ее похоронил. Об этом знали на рыбозаводе. Но никто, кроме него самого, не знал, что они встречались еще до лагерей. Встречались, как и все самые обычные влюбленные.

— А вы откуда? — поинтересовался секретарь.

— С судна я. Механик.

— Где же ваши товарищи?

Механик небрежно махнул рукой.

— Рыбу сдают.

— Но надо же что-то делать...

Механик заметил пустую бутылку из-под коньяка и теперь уже смотрел не на секретаря, а на бутылку.

— Кончили? — кивнул он в ее сторону.

— Есть еще. Налить?

— Давай.

Рыбки мелькали, в мутной голове, и механик силился поймать хоть одну, но ему это уже не удавалось. Опрокинув стакан, он вылил коньяк в открытый рот. Уловил, что все смотрят на него, и ему стало смешно.

«И все вокруг колхозное, и все вокруг мое», — запел механик медвежьим голосом. Секретарь растерялся.

— А что смотрит команда? — шепнул кто-то сзади. — Капитан, наконец? У человека горе.

...Капитан, заметив отсутствие механика, промолчал — оснований для беспокойства не было. Но время шло, а механик не появлялся. Капитан подозвал к себе Костю и Генку.

— Найдите механика. Где-нибудь в

поселке.

Костя и Генка побрели к поселку. Но там механика не оказалось. Зашли в продмаг, и продавец объяснил им насчет водки и механика. От поселка тянулась коса, упираясь дальним своим концом в береговой утес. В том направлении Костя и заметил людей. Может быть, там?

— Вообще жаль, — сказал Генка.

— Чего?

— Теперь задурит механик. —

Успокоим.

Песок вяло скрипел под ногами, и хотелось молчать.

...Механик выделялся среди остальных уже тем, что ноги его в резиновых сапогах безжизненно валялись на песке, а сам он, обняв китовый позвонок, глухо рыдал и вздрагивал. Остальные в растерянности стояли по другую сторону позвонка. Механик приподнял мокрое лицо, на котором слезы смешались с грязью. Говорят, доктор Флеминг открыл у слез способность растворять микробы. Наверное, это так, но грязь они не растворяют...

— Батя помер, понимаете? — крикнул механик горкомовцам, чем поверг их в еще большее смущение. Секретарь не знал, как выйти из этой истории и с каждой минутой не знал еще больше. Хуже всего то, что обычные методы воздействия на людей тут не годились.

— Вставай, — тихо и жестко сказал механику Костя. Его разозлило, что механик льет слезы на виду у чужих, но он сдерживался. Чтобы помочь механику, он взял его за плечи и оторвал от позвонка. Кит, который оставил в память о себе эти позвонки, никогда бы не мог предположить, что вокруг них развернется такая история. Генка не преминул сказать об этом механику. Но тот взбунтовался: оттолкнул Костю и, покачиваясь и плача, шагнул к горкомовцам.

— Плевать я хотел, — с безопасного расстояния бросил он Косте. — И не подходи! Всех уложу! Батя помер...

Костя подошел к механику и коротким ударом уложил его на песок. Ноги дрогнули и замерли.

Секретарь горкома сразу же нашелся:

— Что вы делаете? — возмутился он. — Его надо взять и отвезти.

— Наше дело, — отмахнулся Костя. — Генка, бери за ноги. Потащили. — Но механик последним усилием оторвался от песка и заорал:

— Батю убили...

— Гад, — сказал Костя, вторым ударом успокоив механика окончательно. Затем они взяли его за плечи и потащили по песку. Горкомовцы двинулись следом. Механик сначала мычал и дергался, но потом глаза его как-то сразу протрезвели.

— Сам пойду, — попросил он, ворочая разбитыми губами.

Его выпустили. Он стал сначала на колени, оттолкнулся руками от песка и, пошатываясь, пошел сам.

Капитан досадливо отвернулся, увидев процессию во главе с механиком. Но секретарь горкома уже подходил к нему.

— Товарищ капитан.

— Да.

— Я хотел бы с вами поговорить.

— В чем дело?

— Ваши люди безобразничают на острове. Напиваются. А этот (кивнул он в сторону Кости) избивает своего матроса. Я запишу номер судна и сообщу, куда следует.

— Все? — перебил капитан.

— Я секретарь горкома комсомола.

Вот документы.

Капитан даже не взглянул на протянутые документы.

— Сами разберемся, — решил он.

— Почему сами? — возмутился Петрович. Он вышел вперед и стал прямо перед капитаном. — Я сам был когда-то секретарем горкома, — неожиданно сказал Петрович. — Слышите? И требую уважения... к секретарю.

Команда стояла за спиной капитана и хмуро оглядывала горкомовцев. А Генка весело подмигнул — комедия.

— Хорошо, — согласился капитан. — Чего вы хотите?

Пускай разберутся, а мы слушаем, — предложил Петрович. Секретарь молча, согласился с ним.

— Хорошо, — не стал возражать капитан и повернулся к своим. — Кто

скажет по поводу случая?

— Я,— двинулся Генка.— По-моему, нам пора в Магадан. Портится погода. У меня все.

Петрович вскинул голову и шагнул к Генке.

— Эх ты,— тихо сказал Петрович.— Салага.

Генка оторопел.

Горкомовцы не выдержали и рассмеялись.

— А по-моему, все это свинство,— вмешался старпом.— И пьянка, и драка... Грязь в кубрике тоже...

Капитан побледнел.

— В ваши обязанности входит следить за порядком,— раздельно выговаривая слова, возразил он.

Вперед протолкнулся механик. Лицо его распухло, а глаза растерянно бродили в узких щелочках.

— Смотрите на меня,— всхлипнул он. — Правильно меня. Бить надо. Бить меня надо.

Петрович насторожился, но заметил на лицах улыбки, улыбнулся сам, повернулся и пошел прочь.

— Довезите нас до Магадана,— попросил секретарь горкома. Он уже не рад был, что вмешался в это нелепое дело. Капитан кивнул.

Погода портилась. Флаг над сопкой вытянулся. Над трубой рыбозавода рвался в ключья дым. Петрович, усталой походкой брел по песку к своей пристройке. Да, когда-то он тоже был секретарем горкома. Когда-то... Как будто в жизни можно что-то разделить на «когда-то» и «сейчас». В жизни ничего не делится,— думал Петрович,— все складывается: и то, что было когда-то, и то, что сейчас. А он разделил. Все, что было когда-то, спрятал на этом острове. А то, что сейчас, не принял. Но нельзя не принимать живых людей, и прятаться от них нельзя. Найдут. И растревожат... Честно говоря, он сам бы смазал этого пьяного по роже...

Впервые за всю путину РБ вез не рыбу, а пассажиров. Горкомовцы ходили по палубе, с любопытством озирались. Радист со снисходительной миной на лице давал пояснения...

Ветер развел крупную зыбь, и судно бро-

сало с борта на борт. Вскоре все собрались в кубрик.

Механик лежал на койке, повернувшись к иллюминаторам. Лицо горело. В горле жгло, словно нахлебался морской воды. Хорошо еще Костя успел, а то неизвестно, чем бы кончилась эта петрушка на острове. Судно вел старпом. Жена прислала ему еще в начале пути куртку, подбитую мехом, и теперь он чувствовал себя отлично. Вернее, чувствовал бы. Рядом стоял секретарь горкома, а старпом не терпел посторонних на мостике. Черт его тут держит на ветру! Замерз, как цуцик, а торчит.

Секретарь горкома жалел, что судно ведет не капитан, а помощник. С капитаном ему все же хотелось помириться.

Впереди показались сопки, открывающие путь в Нагаевскую бухту. На той, что справа, белела башня маяка, похожая на каланчу. Внизу стояли домики. «Тоже чертовская работа»,— подумал о тех, кто живет в домиках, секретарь.

Когда судно вышло в бухту, секретарь все-таки спустился в кубрик. Капитан, накрыв лицо фуражкой, полулежал на койке, свесив ноги в рыбачьих сапогах. Секретарь подсел к нему.

— Не ожидал, что Петрович в секретарях ходил,— сказал он.

Капитан не ответил.

— А этому, механику вашему, куда лететь?

— До Южно-Сахалинска.

— Значит, до Хабаровска сначала, а потом в Южно-Сахалинск. Я могу помочь с билетом.

— Помоги, — капитан сдвинул фуражку с лица и посмотрел на секретаря— это уже другой разговор.

— Сегодня воскресенье, но что-нибудь сделаем. В аэропорту наш парень есть.

— Через полчаса будем на месте,— сказал Генка.

Через полчаса они поедут в аэропорт, механик возьмет билет и улетит...

И механику стало легче оттого, что говорят о Магадане, а не о нем, не о том, что произошло на острове.

НА ПРИКОЛЕ ****

Густо падает мокрый снег, тяжелый, как овчинный тулуп. Радисту даже послышался душный овчинный запах. Снег падает, и кажется, будто кусты на берегу шевелятся, дышат, поводя боками, и посвечивают зеленоватыми глазами, словно отара в ночной степи. Давно это было — степь, овцы, село на жестком суглинке. Шесть месяцев курсы и два месяца море — давно. Место, где стал на приколе РБ, вовсе не похоже на степь. Медленно плывет в низких берегах река Иня. По темной воде ее скользят снежные островки—кусты, облепленные снегом, бревна, а то и бочки. Все это движется со стороны поселка, расположившегося в долине, километрах в десяти. В снежном крошечке плывут далекие сопки, похожие на облака. Зеленовато вспыхивают снежинки в лучах заходящего солнца. А за узкой каменистой косой разбойно гремит море.

Речной мысок, за которым приткнулись у берега РБ и еще три судна из колхозной флотилии, называется Интегралом. Странное название. Может, геологи так назвали? Это, как в школе, — материал, который ты еще не проходил, но который давным-давно пройден другими. Учитель математики в школе любил говорить: не усвоив одного, не переходи к другому. Этот же учитель на уроке доказал радисту, когда он еще не был радистом, что всякая прямая, соединяющая две точки, короче кривой, соединяющей эти же точки. Правило было понятным и без доказательств. Даже показалось странным, что такую очевидную вещь надо доказывать. И уже совсем непонятно, почему на выпускном вечере учитель, подойдя к кучке ребят, тоном старшего сказал, что в жизни всякая кривая короче прямой. Радист, конечно, понял, о чем говорит учитель, но к чему тогда было доказывать обратное?

Прежде чем спуститься в кубрик, радист кинул взгляд на соседние сейнеры. Снег изломал линии судов, навалил на палубах сугробы.

Явилась зима, а с нею кончилась путина.

Скользя на ступеньках трапа, радист спустился в кубрик, подбросил в железную печь

несколько чурок и закрыл заслонку, придавив ее топором. Теперь палубу не качают волны и топор не свалится... Журчат под днищем речные струи, и скребется о железо галька.

Сел за стол, придвинул к себе чистый лист бумаги. Надо ответить брату на письмо. Брат не писал ему всю путину. Написал под конец, когда готовились уходить из района лова. Подошел плашкоут, и на палубу РБ полетела связка писем, перекрещенная шпагатом.

Среди прочего брат писал: «...как твои дела с грошами и какие твои мысли о дальнейшем?» Радист представил брата в линиялой ковбойке. Он всегда возится во дворе с чем-нибудь по хозяйству и поощряет дочь («Вот умничка—воды принесла»), если та помогает ему тонкими, неумелыми руками.

С деньгами у радиста хорошо, а «об дальнейшем» мысли никак не складываются. Два месяца ходил он на этом РБ. С командой сжился. Во всяком случае его не выделяли, и это было верным признаком того, что считают за своего. А когда пришли на Иню и к Генке прилетела врачиха с острова Спафарьева все переменялось. Обижаться не было смысла, потому что обиды на судне в счет не шли. Радист просто не стал селиться на берегу, остался жить в кубрике. По крайней мере, здесь он может думать сколько угодно, не подстраиваться к другим и ничего не решать

Жаль только, что к другим людям, например, к Генке, прилетают девушки. Это толкает на грустные мысли. И оттого в кубрик подчеркнуто неприятно. Валяются чьи-то грязные носки на полу. Разорванная на ка ком-то аврале рубаха... Ничего этого не замечаешь в море. Но когда стали на прикол и кубрик опустел...

Радист задумался, вспомнив о врачихе о Спафарьева. В разные стороны шли по Охотскому морю разные суда, а радист сам выстукивал открытым текстом радиограмму на остров Спафарьева: «Люблю. Прилетай. Буду цветы. Генка».

Откуда здесь теперь цветы?

Думалось совсем не о том, о чем радист хотел написать брату. Он отодвинул от себя

чистый лист бумаги, вылез из-за стола, сбросил сапоги и растянулся на своей койке, просунув длинные ноги на ступеньку трапа.

Для радиста путина кончилась раньше, чем для других, еще когда делали последний переход из района лова. Он накрыл радиостанцию брезентовым чехлом, сложил в ящик записи, сделанные за два месяца, и мог бы сказать: «Привет, ребята!». Если бы вокруг не болталось море. Судно шло день, шло ночь. В темноте одиноко светились ходовые огни по бокам рубки, а над головой раскачивался на мачте сигнальный, и казалось, что кто-то подносит к губам горячий огонек папиросы и снова опускает руку, подносит и снова опускает.

Море швыряло судно с борта на борт, а радисту хотелось, чтобы это никогда не кончалось, потому что впереди был берег, а на берегу неизвестно что.

У мыса Лазарева они чуть не наскочили на камни. Боцман сообщил об этом спокойным голосом, спустившись в кубрик. С куртки его падала на пол вода, а на носу и подбородке повисли соленые брызги.

Утром они подошли к устью реки Ини. Предстояло войти в него, но радист не представлял, как это им удастся. Морской прилив сшибался с речной водой. В воздух взлетали водяные столбы, а потом рушились, и над всем этим висел гул и грохот. Вдоль песчаной косы вскипали белые волны. Мутная вода крутила воронки, цеплялась за судно и тащила его к отмели. Но капитан осиливал течение. Радист наблюдал за ним с любопытством, будто он сам не стоял на палубе, а смотрел со стороны. Поворачивая штурвал, капитан в штормовке, блестящей от воды, вел судно по дуге. В какой-то момент он оборвал дугу, и на судно обрушился водяной столб, подмял его под себя, швырнул бортом к отмели. Но капитан устоял. Радист видел, как боцман с перекошенным от усилия лицом обхватил рукой капитана и прижал к штурвалу, чтоб не сбила волна. Вода хлынула. Судно быстро шло уже по реке. Ребята в мокрых рубашках стояли у бортов и молча смотрели, как плавно движутся берега. И только тогда радист подумал, что

с этими ребятами не пропадешь. Ему снова остро захотелось назад, снова в море. Но море осталось за кормой.

По небу мимо солнца летели обрывки туч. Капитан, повернув лицо к команде, сказал: — Дома.

К радисту это не относилось, потому что в колхозном поселке у него не было даже знакомых. Но он тогда еще надеялся, что команда останется командой и на берегу и из того, что полагается на берегу всем, уделят пай и ему, радисту судна.

Справа потянулись дома рыбозаводского поселка, лодки, белье на веревках, женщины в рыбачьих сапогах. Детишки скакали вдоль берега и что-то весело орали в сторону судна. Из всего этого вдруг возникла фигура в зюйдвестке. Человек размахивал руками и сеткой, набитой бутылками.

— Механик с «Букреева», — сказал Костя. — Уже с водкой!

— Водка есть? — крикнули механику с палубы.

— Есть! — радостно завопил тот. — Возьмите на борт.

В другое время запросто прошли бы мимо чужого механика—судно тебе не трамвай, — но теперь капитан изменил правилам. И это как бы подчеркнуло, что с морем они попрощались.

Сбавив ход до самого малого, судно подошло к берегу. Механик, взмахнув сеткой, прыгнул на палубу.

— Магарыч с тебя, — мигнул ему механик РБ, и они тут же спустились в машинное отделение. Против обыкновения Костя промолчал, хотя, как боцман, должен бы вмешаться — судно не забегаловка.

У причала их никто не встречал (если не считать пацанов) — судно пришло на сутки позже, чем предполагалось, и никто не знал точно, когда оно придет. Команда гурьбой ссыпалась на берег и зашагала вдоль рыбозаводского цеха, вдоль тяжелых мешков с солью, мимо девчат. Шли размеренно, покачивая плечами, и радист нарочно покачивал ими немного больше, чем всегда, — так должны идти по берегу моряки, если ноги еще не забыли палубу.

Когда вышли на улицу, отделились капитан со старпомом—надо было зайти в

правление колхоза. Потом механик. Радист немного замедлил шаг, ожидая, что кто-нибудь обернется и окликнет — идти одному ему было некуда. Костя оглянулся:— Чего отстал? И снова зашагал с Генкой по улице. В тот день радист напился беспощадным образом, и какой-то пацан отвез его на РБ на хлюпкой лодочке... Думать обо всем этом тоже не хотелось.

Радист опустил ноги на пол. Не надевая сапог, прошел к столу и снова, придвинул к себе чистый лист бумаги. Надо было все же написать письмо, заклеить конверт. Конверт сначала долетит до Охотска, переседет и полетит к Хабаровску, потом к Москве, потом на юг. Там, на юге, трудно себе представить, что есть кубрик, похожий на землянку, обсыпанный снегом берег, сизые сопки, радист в кубрике, босой и взлохмаченный. А за каменной косой разбойно гремит море... Что тут говорить о дальнейшем? Можно войти в тот дом, где сейчас Генка, врачиха и вся команда. И никто не удивится. А можно и не войти. И тоже никто не удивится. На берегу вступили в силу иные законы, от которых радист за два месяца отвык. И потеряли силу те, которые он понял в море. Потеряли потому, что команда рассыпалась, ушла. А он остался один. Хорошо еще, что отвели судно от поселка на Интеграл. Так спокойнее — меньше думаешь о тех, кто на берегу.

«Здравствуй, дорогой брат Саня, Лена и Верочка!» — написал радист в самом начале листа. Но дальше письмо не клеилось. Может быть, просто? Стали на прикол, получил за путину аванс... Сижу один.

Пока письмо пролетит свои тысячи километров, слова приобретут жалкий смысл, получится, что вроде бы «позабыт, позаброшен с молодых юных лет...» Не годится. Радисту нравилось это боцманское «не годится», и он повторил его вслух, но мужской спокойной уверенности, которую вкладывал в него боцман, не получилось.

Радист снова лег на койку и задремал. Проснулся от легкого толчка — в железный болт стукнула шлюпка. Кто-то пригребся. Радист встал, скомкал лист бумаги,

оставленный на столе, и бросил его в печь. По палубе загремели шаги. В дверях кубрика показались ноги механика. Радист узнал их по какой-то особенной, тяжелой поступи.

— Ну, как? Сохнешь?— улыбнулся механик.

— Сохну.
— Дело хозяйское. Жрать-то у тебя есть? Держи.

Механик встряхнул сетку, и на стол, расползаясь во все стороны, вывалилась рыба. В кубрике запахло свежими огурцами.

— Корюшка, — сказал механик. — Корюшка огурцами пахнет.

Он присел за стол и потянул носом.

— Меня Костя послал.

— Чего?

— Обувай свой парад, маскируй прорехи — и на берег. Генку сегодня пропиваем. Свадьба. Так вот и кончается наш брат.

Механик забросил ногу на ногу:

— Жаль. Вместе путину отходили. А женщинам что? Чтоб домой тянул да на берегу сидел. Ей совсем непонятно, почему ты от моря ни на шаг. Она моряком не была. Сидела у печки, казанками гремела. Понятие у нее не наше. Неправильно все же устроено у людей! Ну, почему мы к ней тогда тянемся?

Радист не мог сказать почему. Он сам «к ней» еще не тянулся, как-то не приходилось.

— Молчишь? А я скажу. Для равновесия. Убери с земли моря — что с ней станется? Неизвестно. Может, улетит от легкости в непонятное. И все же несправедливо!.. Да ты собирайся.

— А кто на судне?— спросил радист.

— Замки повесим. Куда оно теперь денется? Собирайся. А я тут пока корюшки пожарю.

Интересно, что бы сейчас сказал учитель математики? И вообще, как бы он сейчас поступил на месте радиста — прямо или криво?

— Ты мне зубы, знаешь, не заговаривай,— глянул исподлобья радист.— Послали за мной почему? Хотят вид показать: команда вся целая?

— Какой целая! — махнул рукой механик. — Говорю же — Генка женится, опять в газету поедет. Не женился бы — поплавал еще. А Костя в мореходку идет. Понял? Сейчас нам, кто остался, кучкой надо стоять. Ты вот от судна не отходи. Будут посылать радистом в тайгу — не иди. Послесаришь на ремонте, а весной в море пойдем. Грошей, правда, на ремонте меньше возьмешь, но ничего, Перебьемся. Понял?

Корюшка шкворчала на сковороде, и механик задумчиво смотрел на нее, будто заключался в ней какой-то трудный и нужный смысл.

— И жареная огурцами пахнет,— сказал механик.

— Так Костя уходит?— недоверчиво переспросил радист.

— Уходит же. Оно знаешь как? Вместе да вместе, а от своего все равно не отойдешь. Куда от себя отойдешь? Я вот тоже, может, потом в мореходку пойду. Также, может, на мостике хочу постоять. Из человека все можно сделать... Давай садись — готова рыбка.

— А я?— спросил радист.

— Что ты?— не понял механик.

— Куда я?

— Я ж говорю — поплаваем еще. А там видно будет. Давай рубай.

По тому, как механик необычно заботливо протянул ему ложку, радист вдруг понял, что берег — это необычное. Берег приносит перемены...

А тут сидишь в кубрике — и ничего не знаешь.

Радист отложил ложку, выдвинул из-под койки рундук и стал отыскивать чистую сорочку.

— Успеешь,— придержал его за руку механик.— Доедай.

— Ладно. Ты давай сам.

Вокруг судна висела ночь. Белая и черная.

Белая на берегу и черная над палубой.

Радист отвязал шлюпку, спрыгнул в нее, подождал, когда спрыгнет механик, и сильно оттолкнулся от борта веслом. Шлюпка, качнувшись, поплыла в сторону. Звякая уключинами, радист поставил весла

на место и стал грести к белому берегу.

— А старпом улетел,— сказал механик.

— Ну и черт с ним.

— Обойдемся.

Радист подумал, что так и не ответил брату на письмо. Вспомнил, как брат с женой провожали его на восток. По такому случаю брат купил поллитровку, а Лена — полосатые носки. Верочка целый день вертелась под ногами и всех спрашивала: «Дядя Витя уезжает?»

— А тебе жалко?— спросил брат.

Верочка задумалась, выбирая одно из двух.

— Нет. Не жалко,— сказала Верочка.

— Глупая еще,— упрекнула дочь Лена.— Разве ж можно так? Дядя уезжает далеко. Там море и медведи.

Но Верочка стояла на своем.

— Ты там узнай, что и как,— сказал брат.— Если дело ладное, может, и мы переберемся.

— А то ему будет время,— возразила Лена.

— Не будет, так все равно пускай смотрит. Да не зевай там. Крутись. Руки не протянешь — никто не даст. Руками работай. А голову поберегай — голова на плечах одна...

Механик хорошо знал тропку от Интеграла до поселка и шагал уверенно. Сырой снег поскрипывал под его ботинками. Спина плавно покачивалась перед лицом радиста. Под снегом лежала трава, и ноги радиста скользили по траве. Ботинки сразу же отсырели.

— Все же, как дальше будешь? — спросил не оборачиваясь механик.

Радист понял.

— Не знаю.

— Дурак.

Некоторое время механик шагал молча.

— Делай, как я сказал, ясно? А в апреле пойдем в море.

Шли часа два. Тропинка крутилась среди рыхлых от снега кустов, потом среди деревьев, обрывалась перед ручьем. Прыгала через ручьи. Наконец, за деревьями замелькали огни поселка. Вначале их было мало. Потом больше.

— Что ребята уходят, ты не смотри,— сказал механик, продолжая какие-то свои

мысли.— Сам покрепче держись. Это так у каждого: самому тоже надо держаться. Тогда и другие помогут.

На улице поселка они встретили Костю и капитана.

— Думали — что дорогой случилось, — обрадовался Костя. — Нет и нет. Ребята забеспокоились.

Радист хотел сказать, что с ними-то ничего не случилось... Хотя, наверное, все-таки что-то случилось. И брату письма он не написал.

— На судне что? — спросил капитан.

— Порядок, — успокоил механик.

В комнате, хоть она и большая, было душно и шумно, как в кубрике. Гости сидели за столом, ходили по комнате. На столе в тарелках дымился соус. Чинными рядами, посыпанная луком, лежала селедка. Тихоокеанская селедка. Увидев входящих, Генка встал из-за стола и пошел навстречу. Среди гостей были и женщины. Радист отыскал глазами Ирину. Она ему понравилась еще когда в первый раз он увидел ее на летном поле, на второй день после того, как они вернулись с путины, и когда он окончательно решил, что останется на судне. Она тогда вышла из самолета, поставила на землю чемодан и оглянулась, отыскивая Генку. Но Генки не было — куда запропастился в самый последний момент? Зато встречать пришла почти вся команда. Это чего-нибудь да стоило. Ирина поняла и обрадованно засмеялась. Радисту тогда стало немного жаль ее: одна, прилетела в этот глухой поселок, пропахший рыбой.

Сейчас, правда, она не смеялась. Лицо немножко побледнело. Радист улыбнулся ей, но она не заметила.

— За стол, — пригласил капитан. Генка сел рядом с Ириной. Радист увидел цветы — две розы в стакане. Значит, Генка не трепался. Достал. Неужели у кого-то в этом поселке растут розы? А почему бы и нет?

— Первый тост, — попросил капитан.

Первый тост, как первый шаг. Если, конечно, дело того стоит...

Радист смотрел на Ирину, чувствуя, что теперь ему совсем не жаль ее, как не было жаль его Верочке, когда он уезжал на восток. И почему жалеть? Ехать, ловить

рыбу, жениться лучше, чем сидеть на месте.

— За удачу, — сказал радист, поднимая рюмку.

— Годится, — откликнулся Костя.

Ирина улыбнулась радисту и повернула лицо к Генке.

— За удачу, — сказал Генка.

За удачу — это радист попал в точку. Не раз ходили они в шторм и туман и каждый раз надеялись на удачу, потому что надеялись на себя. Рисковали. Потому что рискуют только те, кому есть чем рисковать.

А на улице падал снег. Со стороны сопот тянул на поселок ветер, кружил легкие снежинки и бросал в освещенные окна.

(Повесть печатается с сокращениями)